

ОГОНЁК

№ 22 МАЙ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В-11-6

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 22 (1667)

24 МАЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХОУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСНА ПРИШЛА НА

Агрегат Федора Титова в поле.

Участковый агроном Виктор Данченко
проверяет аэрию. Участок его зани-
мает двадцать тысяч гектаров.

Фото Я. Рюмкина.

На первой странице
обложки: Аэропорт Внуко-
во — воздушные ворота сто-
лицы. Ежедневно отсюда от-
правляются самолеты в раз-
личные, самые отделенные
города Советского Союза.
Около двадцати зарубежных
столиц связаны с Москвой воз-
душными трассами. Вот и сей-
час из международных рейсов
вернулись самолеты «ТУ-104».
Бортпроводники покинули
самолеты и возвращаются в
город.

Фото Дм. Бальтерманца
и А. Узяева.

На последней страни-
це обложки: Москва.
Один из новых видов водного
спорта — фигурное плавание.

Фото А. Новикова.

Пришла в целинный совхоз весна. Пришла, как всегда, долгожданная, тревожная, радостная.

...Совхоз имени Ленинского комсомола, Акмолинской области, один из самых больших у нас в стране. Сто тысяч гектаров подарили совхозу казахстанские степи. Урожаи его богаты. Если выстроить наполненные акмолинским зерном машины, то протянулись бы они от Берлина до китайской столицы.

Не менее 1,5 миллиарда пудов хлеба обещали собрать труженики Казахстана.

Это детский сад. Папы и мамы в поле, они могут быть совершенно спокойны.

Принято быть победителями! Директор совхоза Г. И. Власенко вручает переходящее Красное знамя лучшей бригаде. Бригадир М. А. Богдан принимает знамя.

ЦЕЛИНУ

В могучую демонстрацию дружбы народов вылилось торжественное собрание в Большом Кремлевском дворце, когда Никите Сергеевичу Хрущеву вручалась международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». В числе трех тысяч человек, заполнивших просторный зал, были передовики промышленности и сельского хозяйства, деятели науки и культуры, иностранные гости — делегации, прибывшие из Стокгольма после сессии Всемирного Совета Мира.

— В награждении товарища Хрущева Ленинской премией мира как нельзя более полно выражена благородная идея этой премии, — сказал во вступительной речи академик Д. В. Скобельцын.

— Наш китайский народ гордится тем, что Советский Союз является нашим старшим братом, и мы чувствуем прилив сил, имея такого самого близкого друга, как товарищ Хрущев, — произнес под бурные аплодис-

менты заместитель председателя Комитета по международным Ленинским премиям академик Д. В. Скобельцын вручает Н. С. Хрущеву почетную награду. Фото А. Гостева.

менты заместитель председателя Комитета по международным Ленинским премиям товарищ Го Мо-жо.

— Я приветствую Вас как сына земли, как плоть от плоти всего земного. Вы один из величайших государственных деятелей современного мира! — взволнованно воскликнул председатель Всеиндийского совета мира г-н Сундерлал.

— Я желаю Вам, товарищ Хрущев, сил и здоровья для борьбы за мир и тем самым за счастье и будущее всех нас и наших детей, — сказала немецкая писательница Анна Зегерс.

— Мы заверяем Вас, Никита Сергеевич, что отдадим все свои силы, знания и опыт

на претворение в жизнь решений XXI съезда родной партии, — сказал в своей речи слесарь Первого подшипникового завода А. В. Викторова.

С приветственными речами выступили также президент Международной демократической Федерации женщин Эжени Коттон, председатель Советского комитета защиты мира Н. С. Тихонов, доярка колхоза «Путь Ильича», Мизневского района, Московской области, Т. В. Чугунова и работница Московского электролампового завода Г. В. Спашкова.

Приняв высокую награду, Никита Сергеевич Хрущев в ответной речи тепло поблагодарил всех собравшихся.

— Заверяю всех вас, дорогие друзья и товарищи, — сказал он, — что я приложу все свои силы, чтобы оправдать ваши добрые пожелания, буду и впредь неустанно бороться за великое дело укрепления мира и безопасности народов.

Интервью «Огонька»

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОДРУЖЕСТВО АВИАТОРОВ

28 мая в Москве откроется 52-я Генеральная конференция Международной авиационной федерации — ФАН. На конференции будет вручена высшая награда ФАН — Золотая медаль — создателю первого в мире реактивного пассажирского серийного самолета «ТУ-104» и межконтинентального самолета «ТУ-114» — Генеральному авиационному конструктору СССР академику Андрею Николаевичу Туполеву.

В беседе с нашим корреспондентом А. Н. ТУПОЛЕВ рассказал:

— Присуждение Золотой

медали ФАН — для меня большое и радостное событие. Это — международное признание успехов советской авиации. Наши авиаконструкторы, летчики, парашютисты, планеристы, вертолетики, авиамодельисты много сделали для прогресса техники. Центральный аэроклуб СССР имени В. П. Чкалова состоит постоянным членом ФАН с 1936 года. За это время зарегистрировано 408 мировых рекордов, установленных в Советском Союзе.

ФАН объединяет национальные аэроклубы и ассоциации пятидесяти одной

страны. Ее деятельность преследует высокую цель — развитие международного воздухоплавания и авиации как средства сближения народов.

Нам, советским авиаконструкторам, хотелось бы всегда работать над созданием только пассажирских, грузовых и спортивных летательных аппаратов. Их мирные полеты в другие страны приносят большое моральное удовлетворение. Это чувство испытываю и я.

Пассажирские машины, созданные в нашем конструкторском бюро еще до войны,

не раз совершали международные перелеты. В 1929 году на самолете «АНТ-9» был проведен звездный перелет по столицам европейских государств. Герои Советского Союза В. П. Чкалов и М. М. Громова на самолетах «АНТ-25» совершили беспосадочные перелеты из Москвы в Америку через Северный полюс. Реактивный пассажирский самолет «ТУ-104» регулярно работает на многих международных линиях.

В 1905 году, когда возникла ФАН, авиация только зарождалась. Это было начало великой авиационной эпохи, которая в своем полувекном развитии превзошла самые смелые мечты человечества.

Мне посчастливилось быть участником победоносного марша авиационной науки. В 1909 году я поступил студентом в Московское высшее техническое училище. Здесь под руководством И. Е. Жуковского мы проектировали и сооружали первые аэродинамические трубы, планеры, на которых потом летали.

Позволю себе привести некоторые сравнения. В 1909 году международный рекорд высоты составлял 155 метров, а сейчас — 30 километров 942 метра. Наибольшая скорость, которую тогда развивал самолет, едва превышала 40 километров в час. Сейчас официальный рекорд — 2259 километров в час. Самый дальний перелет, выполненный в 1906 году, не превышал 220 метров. В наши дни самолет может покрыть без посадки более 18 тысяч километров. Грузоподъемность современ-

ных самолетов достигает 35, а вертолетов — 12 тонн.

Эти достижения далеко не предел. Ученые и инженеры создали отличные турбореактивные и ракетные двигатели. Это позволит в недалеком будущем создать пассажирские самолеты, летающие со сверхзвуковой скоростью.

Серьезной преградой в создании гиперзвукового самолета является кинетический нагрев — так называемый тепловой барьер. Если самолет на определенной высоте летит со скоростью 3 тысяч километров в час, то обшивка самолета будет нагреваться до трехсот градусов по Цельсию. Борьба с кинетическим нагревом — задача сложная, но, без сомнения, наука ее успешно разрешит.

Нельзя допустить, чтобы блестящие возможности авиации были использованы для разрушения и истребления. Народы ненавидят войну, они помнят ужасы воздушных бомбардировок. Поэтому во всех странах все громче звучат голоса, требующие прекращения холодной войны. Идея мирного сосуществования государств с различными политическими системами овладевает умами миллионов людей. В осуществлении этой благородной идеи большую роль играет авиация как средство транспорта, как средство общения между народами и континентами.

Советские авиаторы и вся наша общественность с радостью приветствуют участников 52-й Генеральной конференции ФАН, которые соберутся в Москве.

Фото Е. Уминова.

ОРДЕН ЛЕНИНА МОЛДАВСКОЙ ССР за успехи в развитии сельского хозяйства 14 мая вручил прибывший в Кишинев Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев.

На снимке: дети подносят цветы Н. С. Хрущеву.

Фото С. Раскина.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЛИНЕЙКА была проведена на Красной площади в связи с 37-летием создания в нашей стране первых отрядов юных ленинцев. Питомцы этих отрядов — ныне взрослые люди: рабочие, инженеры, ученые — тоже пришли на площадь и первыми возложили венки к подножию Мавзолея. Затем венки возложили юные пионеры столицы.

Фото С. Косырева.

ТАК ВЫГЛЯДЕЛ ДИЗЕЛЬ-ЭЛЕКТРОХОД «ИНДИГИРКА» — первое судно, прибывшее в Баренцбург из Шпицбергена после долгой полярной зимы. На пути из Мурманска судно выдержало жестокий шторм, корпус и надстройки его покрывались толстым слоем льда.

С приходом «Индикирки» началось регулярное сообщение между советскими угольными рудниками на Шпицбергене и материком.

Фото С. Иванова.

РЕГУЛЯРНОЕ ВОЗДУШНОЕ СООБЩЕНИЕ МОСКВА — ЛОНДОН открылось на днях. Четыре рейса в неделю будут совершать советские и английские пассажирские самолеты.

На снимке: самолет английской авиакомпании BEA во Внуковском аэропорте столицы.

Фото О. Кнорринга.

19 МАЯ ПРЕМЬЕР-МИНИСТР АФГАНИСТАНА Его Высочество Сардар Мухаммед Дауд, прибывший в нашу страну по приглашению Правительства СССР, нанес визит заместителю Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. И. Козлову. На снимке (справа налево): Сардар Мухаммед Дауд, В. И. Козлов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе.

Фото А. Устинова.

ПЕРЕГОВОРЫ О РАЗВИТИИ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ происходят в Москве. Английскую делегацию возглавляет министр торговли сэр Дэвид Экклс. Советскую — министр внешней торговли Н. С. Патоличев.

На снимке: Н. С. Патоличев (слева) и сэр Дэвид Экклс.

Фото В. Кошечкина (ТАСС).

Навстречу будущему

Писатель ПАНЧЕНКО

По советской земле идет весна, с ярким солнцем, сверкающими ручьями, влажным дыханием полей, над которыми прокатился первый колокольчик жаворонка.

По советской земле идет первая весна семилетки, весна коммунизма.

В эти дни в Москву съехались писатели земли советской на свой Третий съезд. Они собрались, чтобы сверить свои сердца с биением сердца народа, чтобы откровенно и страстно обсудить, как лучше помочь своим словом партии в строительстве коммунизма, как ярче воспеть великий подвиг советского народа, который с неудержимой силой ринулся навстречу будущему.

И вот первый день съезда...

Делегаты и многочисленные зарубежные гости заполнили огромный зал Большого Кремлевского дворца. Константин Александрович Федин, один из старейших русских писателей, открывая съезд, сообщает, что все заседания съезда будут проходить под сводами древнего Кремля. Каково уважение народа к своим писателям чувствуется в этом!

С огромной силой ощущают все присутствующие внимание партии к литературе, когда Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев крепко пожимает руку председательствующему К. А. Федину, дружески приветствуя его.

Родная партия! Она умеет, как никто, мечтать и воплощать свои мечты в грандиозные планы и величественные дела.

Герой нашего времени стучится в сердца советских писателей. И здесь я думаю прежде всего о советской молодежи. О молодежи, облетающей целину и строящей шахты, покоряющей суровый север и прокладывающей нефтепроводы. О молодежи, которая будет жить при коммунизме.

Великие дела семилетки рождают своих героев. Это люди разных возрастов: седой ученый, отправляющий в космический полет ракету, и обожженный солнцем пожилой чабан, многоопытный мастер, контролирующий автоматическую линию, и знаменитый кукурузовод. Все они поселятся в наших новых книгах как полноправные хозяева.

Основными героями книг, которые будут созданы за семилетку, станут те, кто сегодня работает в бригадах коммунистического труда. Этот герой с виду ничем не примечателен, не бросок. Но он молод, образован, крепок духом и телом. Для него трудиться — большое наслаждение. Он заочно учится в институте, но не забывает спортивной площадки. Книга — первый его друг.

Страдания, горе, печаль, тоска, грусть — эти извечные, терзающие человеческую душу чувства имели во все времена своих певцов.

О радости человеческого бытия писать труднее. Задача советского писателя — воспеть вдохновенный труд советского человека, чистоту его душевных помыслов и поступков, его безграничную жажду мира и отвращения к войне, его светлую мечту о счастье и само это теплое человеческое счастье.

Необходимо работать в полную силу и заклеить презренным равнодушием поставщиков старых слов и избитых фраз.

В нашей многонациональной литературе много настоящих талантов и вдохновенных книг.

Героический труд советского народа требует героического труда всех писателей.

Вуриными аплодисментами встречают собравшиеся появление в ложе президиума руководителей партии и правительства.

Ч. Центкевич, Е. Завейский (Польша) и В. Полевой.

Н. Тихонов, Мао Дунь (Китай), Мирзо Турсунзаде, В. Катаев.

А. Твардовский и С. Финин.

Гости съезда — зарубежные писатели (слева направо): Према Викрамасингхе и Мартин Викрамасингхе (Цейлон), Мульа Радри Аванд (Индия).

Делегаты съезда (слева направо): И. Руболяч, В. Микю, И. Вырган, Е. Собко, С. Муканов и Н. Ле.

ТРЕТИЙ СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ СССР

К. Федин и Г. Караславов
(Болгария).

Фото Я. Рюмина
и А. Новикова.

Французские писатели Андре
Стинь и Арман Лану.

С. Чинюванки, К. Каладзе,
Г. Гуляв, Кара Сейтлин,
Н. Абашидзе.

Дары Дарницы

Начальник смены Камилла Романенко и автоклавщик Н. Ковпак.

Фото Н. Ковалевского.

М. АНГАРСКАЯ

Двадцать шесть платьев в год! Пожалуй, даже самая большая модница не мечтает о таком количестве туалетов. Однако подсчитано, что в 1965 году их могла бы иметь каждая советская женщина, если, конечно, всю вырабатываемую ткань превратить в платье.

Ведь наша текстильная промышленность к концу семилетия выпустит ткань в астрономических количествах: более десяти с половиной миллиардов метров. Это будет лента такой длины, что ее можно 28 раз протянуть от Земли до Луны. Как она будет разнообразна! То шерстяная и хлопчатобумажная, то шелковая и вискозная, то капроновая и эластичная, то хлориновая и лавсановая...

Спрос на ткань синтетической химии растет из дня в день. Она красива, долговечна, дешева. И если вы хотите посмотреть, как трудятся над ее созданием, поезжайте в Дарницу, на комбинат искусственного волокна.

Дарница, предместье Киева, имеет многовековую историю. Сюда, на левый берег Днепра, выкладывали свои дары князьям Киевской Руси иноземные гости. Вот отчего и пошло ее название. Сейчас Дарница — красивый социалистический город, продолжение украинской столицы. Но традиции свои Дарница сохранила до сих пор. И по сей день она славится своими дарами, только не заморскими, как когда-то, а собственными, вырабатываемыми на мощных дарницких предприятиях. Среди них вискоза и капрон, необходимые для всех областей народного хозяйства и повседневного быта человека.

В народе говорят, что у хорошего хозяина порядок начинается с порога. Миновав проходную Дарницкого комбината искусственного волокна, сразу попадаешь в сад. Как красив он сейчас, в весеннем цветении, на фоне ярко-голубого украинского неба! Бледно-розовые макушки яблонь перемежаются с лиловыми куста-

ми махровой сирени, с нежной листвой молодых тополей.

В глубина сада стоит пятиэтажное здание. Это Большой капрон. Молодая, стройная женщина с копной золотистых волос — Камилла Романенко — одна из основательниц Большого капрона.

Пять лет назад, сразу после окончания химического техникума в Иванове, совсем еще юной девушкой приехала она в Дарницу на монтаж и пуск производства капрона. Здесь Камилла встретила таких же, как и она, молодых химиков, съехавшихся из разных концов страны. У всех были на руках дипломы, но знания их о капроне ограничивались весьма поверхностным знакомством с капроновыми чулками.

Капрон был новинкой, он рождался в муках творчества, и люди, производившие его, учились на ходу, с неизбежными в таких случаях временными неудачами, срывами и недоделками.

Сейчас Камилла Романенко — опытный технолог химического цеха. Кто же лучше нее может рассказать нам о Большом капроне! Камилла знает здесь каждый винтик, многое сделано собственными руками, придумано ею самой, почти о каждом аппарате она может сообщить любопытные «биографические» данные.

Мы поднимаемся с Романенко на верхний этаж химического цеха, весь парящий длинными трубами. Поблескивая свежей краской, выстроились в ряд высоченные автоклавы.

— Они у нас только совсем недавно так выросли, — говорит Камилла. — Сами автоклавщики их наращивали. Сначала обновили наиболее старый автоклав. А когда убедились, что он стал одним из лучших, наиболее производительным, принялись переделывать и остальные.

В автоклавы загружают белые кристаллы капролактама. Родословная этого вещества ведет на заводы, где при переработке каменного угля или нефти получают фенол, или, попросту говоря, карбоновую кислоту — давно известную как прекрасная дезинфици-

рующее средство. Из этой карбоновой кислоты получили капролактам.

Камилла Романенко ведет нас по следам чудесного превращения вещества. В автоклавах молекулы-одиночки кристаллов срачиваются, вытягиваются в длинную цепь, становятся гигантами. В многостадийном производственном процессе капролактаму подвергается самым причудливым изменениям. Из сыпучего вещества он превращается в вязкую жидкость, похожую на глицерин, затем в твердую полупрозрачную ленту. На этом сложном пути его то нагревают до 250 градусов, то купают в студеной воде артезианского колодца. И наконец сквозь платиновые ситочки-фильтры с мельчайшими отверстиями в десятки доли миллиметра текут застывающие на воздухе тончайшие струйки. Яркие лучи электроламп золотят их. Трудно оторвать взгляд от волшебного зрелища появления на свет химических волокон. Дальше их обрабатывают, вытягивают, скручивают, сушат — превращают в прочную нить, которая выдерживает вес в несколько десятков килограммов.

Кажется просто невероятным, что эта шелковистая нить была когда-то каменным углем или нефтью, а будет нежной, нарядной блузкой, шарфом, прочной деталью станка, кордом для автопокрышки, теплой шубой, рыболовной сетью, леской, электроизоляцией и многим, многим другим.

— Хороша, но очень требовательна капроновая нить! — Романенко подхватывает ловким, привычным движением выходящую из машины бобину. — Малейшее нарушение режима ведет целую партию к браку. Но за пять лет мы основательно изучили ее «характер» и справляемся со всеми капризами. Сейчас мы задались целью сделать ее более податливой. Сегодня мы стремимся к тому, чтобы она создавалась проще, быстрее и лучше по качеству. Что же касается «завтра» нашей капроновой нити, то оно целиком подластно Константину Евгеньевичу Фишману, начальнику опытной установки.

Константин Евгеньевич так изучил капрон, так отлично разбирается во всех его сложных производственных тонкостях, что Камилла Романенко и ее товарищи по работе в шутку прозвали его «богом капрона».

По дороге к «богу» — длинные коридоры комбината. На некоторых дверях комнат начальников цехов висели таблички с надписями: «Тише. Идут экзамены».

— Рабочие сдают техминимум, — пояснила моя спутница.

На комбинате учатся рабочие, бригады, мастера. На курсах, в специальных техникумах, в химико-технологическом институте... Для инженеров читают лекции по приборостроению, автоматическому оборудованию, электронике.

Мы идем в помещение опытной установки капрона. Здесь всего двое рабочих. Они, по существу, только следят за процессом, который идет сам собой — непрерывно и автоматически. Капролактаму загружается в так называемую полимеризационную трубу — особый вид автоклава, где образуются длинные цепи больших молекул. Затем вязкая масса сама по трубам направляется к прядильным машинкам, продавливается через фильеры, и процесс рождения волокна закончен. Он миновал многие операции, которые мы видели на Большом капроне.

Новый метод ликвидирует около десяти операций. Химический цех вместо пяти этажей займет всего лишь небольшое одноэтажное помещение, и обслуживать его будут двое — трое рабочих высокой квалификации.

Главный помощник химиков — автоматика. Они на нее возлагают большие надежды. В ближайшем будущем на опытной установке капронового волокна применят электронику, телемеханику.

Ученые стремятся к тому, чтобы смола без затраты труда, времени и оборудования превращалась прямо в ткань. Это ли не захватывающая перспектива! Перспектива, открывающая новые горизонты. Скоро Дарница сможет преподнести стране еще большие дары.

У старого дуба

А. ГОВОРОВ

Максиму Фадеевичу
РЫЛЬСКОМУ

Потресканный, согнутый,
видевший виды,
стоит возле стройной
сосны и ракиты
и тихо им шепчет.
А что?
Я не знаю.
А слышу:
— Про Анку, дядусь,
— Про Чапая.

Гляжу я,
у дуба —
чапаяец.
Прямо
стоит,
не сутулясь.

весь в сабальных шрамах.
С бровями седыми,
с висками седыми,
с руками,
как сучья у дуба,
сухими.
И детям,
чапаяевский рейд вспоминая,
волнуясь,
рассказывать начинает.
А дети сдвигаются ближе,
плотнее,
и дед,
словно дуб,
на глазах молодеет.

Я тихо шепчу,
за ним
повторяю...
У старого дуба —
листва молодая.

ХОР и ЗАПЕВАЛА

Ольга КРЕТОВА

Фото А. Гостева.

У Николая Мануковского серые глаза, прямой, чуть широковатый нос, лицо простое, без каких-либо «косых примет». Впрочем, одна и весьма характерная «метка»: левая бровь короче правой — здесь след зажившего ранения.

Увы, мне уже приходилось видеть на лицах механизаторов такие отметины, по ним без ошибки можно узнать тракториста.

И, коснувшись своей брови, я спрашиваю Мануковского:

— А когда, Николай Федорович, с трактором поборолся?

— Да если бы только раз... — понимающе отзывается мой собеседник. — Трижды он меня почти замертво укладывал. Как это у боксеров говорится: нокаути, что ли? Я тогда еще был приземистый — вырос только к двадцати годам, — рукоятка вровень со лбом. Станешь заводить, крутишь ее, а трактор как даст в обратную — ну, искры из глаз, и лежишь плашмя. Когда он мне бровь развалил, я только и успел подумать: «Все! Отпахался...»

За этим простым рассказом — биография человека, вошедшего в семью механизаторов еще подростком, когда мужчины были на фронте. За беловатым рубцом на брови — правдивая история о горючести и неопытности молодого тракториста, об изношенности машин, об их аварийном состоянии в те трудные годы.

Но, как говорит сам Мануковский, он быстро понял, что «трактор кнутом не подгонишь, упрямым не переупрямишь. Машина любит заливное обращение». Он выработал в себе внимательность к «нуждам и потребностям» машин, бережливость, заботливость. Это стало его натурой.

Председатель колхоза Водопьянов, ранее долго работавший директором МТС, вспоминает:

— Бывало, пригонят тракторы на зимний ремонт. Я только войду на усадьбу МТС, взглядом машинный парк и сразу укажу: «Вот трактор Мануковского». Ребята удивляются: «Как вы, Анисим Андрианович, узнали?» «А потому, — говорю, — что он живехонький. Каким весной из МТС вышел, таким, голубчик, и возвратился».

Мы безбоязненно вручали Николаю любую технику, — рассказывает Водопьянов. — Какая бы новинка ни поступила в МТС, первым ее осматривал Мануковский. В 1956 году нашей Ново-Усманской МТС поручили опробовать

новый вспомогательный механизм к квадратно-гнездовой сеелке. Когда встал вопрос, кому из трактористов доверить ответственный опыт, двух мнений у нас не было: конечно, Мануковскому. Но мы еще не догадывались в то время, что из этого опыта вырастет дело государственной важности...

Ныне воронежского тракториста Николая Федоровича Мануковского знает вся страна. В колхозе имени Кирова, Ново-Усманского района, он вдвоём с напарником выполняет работу, на которой раньше было занято около сорока человек.

Николай Мануковский в черноземном центре и Александр Гиталов на Украине стали зачинателями выращивания кукурузы без затрат ручного труда. Это о них говорил Никита Сергеевич Хрущев на Пленуме ЦК КПСС в декабре минувшего года: «Здесь выступали товарищи Мануковский и Гиталов. Когда их слушаешь, чувствуешь, что силы прибавляются, крылья растут. Почему? Потому, что их опыт открывает большие возможности для повышения производительности труда».

Вскоре после Пленума ЦК КПСС в Воронеже проходил семинар секретарей райкомов партии: в аудиториях Сельскохозяйственного института партийные работники слушали лекции по агрономии, агротехнике, машинноведению.

После лекции известного конструктора, кандидата наук, должен был выступать Мануковский. Во время перерыва Николай Федорович, стоя в группе товарищей, с некоторым смущением пошутил:

— Вот не думал попасть в доценты!

Кто-то подбодрил:

— Да ты уже профессор. Что ж, если по-горьковски считать университетами трудовую жизнь, — сказано в самую точку!

Двое пашут — семеро руками машут

Чтобы осмыслить все значение работы Мануковского, вспомним, как обычно выращивали кукурузу.

Рядовой сев для кукурузы противопоказан. Он позволяет проводить тракторную обработку только в одном направлении — вдоль рядков. В самих рядках прорывка растений и прополка должны проводиться вручную. Это требует огромных затрат труда.

Чтобы обрабатывать поля машинами перекрестно, кукурузу надо сеять квадратным способом, точнее, квадратно-гнездовым.

Как же когда-то образовывались квадраты?

Поле велико. Тут даже небольшое отклонение от прямолинейности уведет борозды не туда, куда надо, сломает квадраты. Значит, нужно выставить вешки — ориентиры.

Но вот культиватором поле расчерчено на клетки, как говорят, проведена маркировка. В местах пересечения борозд должны быть гнезда. На поле выходит колхозница. Они сажают зерно прямо под тяпку.

Но как медленна эта работа! Сколько требует людей!

Тщетным было бы надеяться засадить вручную большие площади. Сажать можно только на малых площадях, на больших надо сеять.

На вооружение колхозников поступают квадратно-гнездовые сеелки. Широкое распространение получил посев с применением мерной проволоки. «Мерной» она называется потому, что вся точно размерена и через каждые 70 сантиметров имеет упоры, иначе — шайбы.

С помощью лебедок проволока натягивается вдоль поля и вкладывается в узлоуловитель. Сама она неподвижна, а сеелка движется.

Скользя по проволоке, вилка узлоуловителя встречает препятствие — шайбу. Вилка отклоняется и через систему рычагов открывает клапаны сошников — происходит высев.

После каждого прохода агрегата колхозники переносят мерную проволоку на новое место, параллельно ее прежнему положению.

Но даже в лучшем случае, если колхозники слаженно переносят проволоку, выходит, что сеельщики и подсобники работают

попеременно. Пока агрегат идет вдоль проволоки — у подсобников вынужденный отдых: «хоть газеты читай, хоть семечки жугай». Когда же они заняты переноской — стоит агрегат, теряя по двадцати процентов своего рабочего времени.

С мерной проволокой возятся пять, а то и семь человек. А на посевном агрегате всего двое — тракторист и сеельщик. Понстине, двое пашут, а семеро руками машут.

Закономерно ли, чтобы на вспомогательной работе было занято втрое больше людей, чем на основной, производственной?

Закономерно ли, что тридцать пять лошадиных сил (трактор) стоят и дремлют, а пять — семь человеческих сил «запряжены» в переноску проволоки?

Современные машины и в промышленности и в сельском хозяйстве, выражаясь фигурально, делаются все более и более самостоятельными. Иногда это даже закреплено в их названиях, например, САМОходный комбайн, САМОсаал. Ну, а как же квадратно-гнездовая сеелка? Нельзя ли заставить и ее перейти на САМОобслуживание?

Оказывается, хоть это и не просто, но вполне возможно.

Лиха беда — начало

Инженер областного управления сельского хозяйства Валентин Павлович Петров рассказывает:

— Когда в Ново-Усманской МТС решили начать выращивание кукурузы по новому методу, Мануковский и его напарник Лукин поехали в Москву на консультацию. Вместе с ними управление послало и меня.

В министерстве мы впервые в жизни увидели вспомогательный

Н. Ф. Мануковский с семьей.

Е. Лазаревская. ТУРКМЕНИЯ. ПОЛЕВОЙ СТАН.

У границы

ПЕСКОМ

Художнику рассказывать о своих впечатлениях, наверно, так же трудно, как писателю рисовать или композитору слагать стихи. И поэтому свои впечатления я старалась выразить при помощи цветных карандашей и бумаги.

Почему цветные карандаши? Да потому, что там, где акварельные краски сохнут еще на кончике кисти, это прежде всего очень удобно. Кроме того, и это тоже важно, цветные карандаши, которыми я работала, если нажимать на них сильнее, и действовать с ними без излишней «деликатности», используя всю их цветоносность, как нельзя более отвечали моим задачам.

Экспедиция в Чардынюскую область, Туркменской ССР, в которой я приняла участие, была организована Институтом этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. В мои обязанности как художника входило изображение предметов материальной культуры — домов, одежды, ковров, ювелирных изделий, утвари. Но, как ни увлечена я была своей работой, как ни трудно мне было выкраивать время для другого, я не могла остаться равнодушной, не могла не рисовать жизнь сегодняшней Туркмении.

Я и сейчас еще вспоминаю туркменских девушек среди хлопковых полей. Они — как нарядные и яркие цветы, в красных одеждах, падающих вниз широкими и свободными складками. Женщины старше 45 лет — в синем с большими цветами, старинки в ярко-синих халатах с крупными розами и в голубых чалмах... Столько оттенков красного, синего, что кажется, не хватит палитры, чтобы передать их изысканные сочетания, тонкие переходы тонов. Удивительно развито у туркмен чувство цвета!

стен, или контора правления колхоза с красным флагом, едким отсюда, — во всем ощущалось дыхание современности. Оно не только в отношениях между людьми, в изобилии и достатке, в задорном смехе девушек и остроумии радужных стариков, оно и в соперничестве велосипедов и ослов, в непримиримой вражде мотоциклистов с курами, оно и в обстановке в домах, в кроватях и швейных машинах, письменных столах и радиоприемниках. Правда, летом и отдых и бесконечные чаепи-

тия проходят все-таки на полу: на глиняном полу, устланном ковром, куда прохладнее...

Вот, например, колхозные ясли. Их нельзя забыть не только потому, что портативные люльки остроумно привешиваются прямо к веткам развесистого дерева, которое издали напоминает сизачью растительность с огромными белыми плодами, но и потому, что породили эти ясли новые отношения между людьми — дружба, чувство коллектива и любовь к труду. Ведь находятся эти ясли

в том месте, где работают матери. Одна женщина, которая берет на себя обязанность следить за всеми этими малышами, дает возможность остальным спокойно работать.

В своих зарисовках мне хотелось рассказать про своеобразную природу Туркмении и ее архитектуру, о гостеприимных, сердечных и простых людях об их труде, их жизни — всего не перечислишь Людям Туркмении я и посвятила свои работы.

В. ЛАЗАРЕВСКАЯ

В. Лазаревская. УТРО В АУЛЕ. Цветной карандаш.

А. Оя (Пенза). ВОЗВРАЩЕНИЕ КАЛЕВА ИЗ ПСКОВА. Автолитография.

Выставка советского эстампа.

В. Судаков (Ленинград). ЯХТЫ. Автолитография.

Выставка советского эстампа.

ТАЕЖНАЯ НОВЬ

Иван ЖУРАВЛЕВ

Пейзаж

Воды темные валы.
Ормы.
Да стройных скал
устойчивые стойки.
Да сиреневат
экскаваторной стрелы,
как непреходящий признак
новостройки.

Енисей

— Что ты, бетошка,
мудруешь, Енисей!
Что бунтуешь,
что мотуешь, Енисей!
Что густую
волокуешь зарю в моря!
Блажь впустую,
трагичность силуешь задрям!
Облака зачем
ворочаешь с трудом!
Потерял, пока
плотину возведем.
Вот тогда в своем пути
ты грудью всей,
эней крути-верти
турбины, Енисей!

Подрызылки

Расковыряла грудь реки,
изрыла лад подрызылки.
А на верку крутой скалы
под гром разбухнувшей пальбы
гудят каменные стволы,
как телеграфные столбы.

Сосна

Синева стоит ясна,
тайга асна.
На припеке
вдруг проклюнулась весна.

И, потягиваясь,
хрусткая со сна,
как бы разминается сосна.

И она, сосна,
жалая с солнцем встреч,
Енисей
слыша пламенную речь,
сбрасывает,
не боясь красы обличья,
шубку горностаевую с плеч.

Мед

Здесь медом, что ни шаг,
забрызганы кусты.
Им воздух весь пропал
и стал густым-густым.

Стрелянный народ
кричит: «Цемент спружи!»
А кто же соберет
целябный урожай!

А кто же горячо
и цветам проложит след,
когда здесь мало меда,
а пасек вовсе нет!

Распел

Хороши сомы-налимы!
Только не за тем пришли мы
в дальние края.

Без родительской опеки
мы пришли на эти реки
в глубину тайги

строить броды-переводы,
заставлять работать воды
да сибирские заводы
заводить.

Семен Бабаевский.

С теми, кто впереди

«Люди Ставрополя, трудом своим приумножая богатства Родины, каждодневно дают обильный материал для писателя. Беру этот материал, не ленюсь и пишу, — недавно говорил С. Бабаевский, обращаясь к литераторам Кубани. — И наш священный долг — написать книги, достойные нашего времени, показать в этих книгах ставропольцев во всей величии их созидательного труда, воспеть красоту советского человека, его простоту и благородство». И с людьми богатого Ставропольского края, края первосортной шерсти и знаменитой пшеницы, связано все творчество Семёна Бабаевского.

Детство и юность писателя прошли на кубанских просторах. Десятилетним мальчиком он был свидетелем великого похода Таманской армии, описанного А. Серафимовичем в «Неизменном потоке». Активное участие комсомольского вояки Бабаевского в создании коммуны на хуторе Мановском, который рабочие-путники подарили трактор (это был первый трактор на кубанских землях), затем в коллективизации на Кубани — все это открыло перед ним многие «тайны» жизни, позволило узнать характеры кубанских колхозников, их чувства, души и дела. Работа корреспондентом в местных газетах обострила его взгляд, отточила перо, углубила понимание жизни. Так сложилась писателя, для которого жизнь и труд людей родного края являются неиссякаемым источником вдохновения.

Лучшие произведения С. Бабаевского — роман «Казалось Золотой Звезды», удостоенный Сталинской премии, повести и рассказы, собранные в книги «Родниковый ручей» и «Кубанские повести», повесть для детей «Сухая Буйвола», цикл коротких новелл «По путям-дорогам» — знают нас с живыми, самобытными характерами, с яркими картинами степной природы. Написанные народным, выразительным языком, эти книги свидетельствуют о том, что писатель смело вторгается в жизнь, откликается на насущные вопросы современности, борется за победу нового, коммунистического в советской действительности.

Свое пятидесятилетие Семён Петрович Бабаевский встречает полным творческих сил и замыслов. Сейчас он пишет новый роман — о том, как сейчас вкачала мечта крестьян ставропольских безводных полей: к ним в степь пришла кубанская вода. Главное в книге — великие перемены, происходящие в жизни села, в сознании и быту людей. Помыслил писатель о людях современных удач и новых книг о людях современной колхозной деревни.

Юрий ПУХОВ

ПОМОЩЬ АВСТРАЛИЙСКИМ ПОЛЯРНИКАМ

Недавно газеты писали о помощи, оказанной Четвертой Советской Антарктической экспедицией полярникам австралийской станции Уилкс.

По просьбе редакции «Огонька» штурман авиаотряда экспедиции РАДИИ РОБИНСОН сообщил из Мирного подробности этой операции.

Борис Семенович Осипов

Сразу после того, как со станции Уилкс поступили тревожные вестки о заболевании одного из зимовщиков, было решено отправить туда на самолете нашего врача. Экипаж в составе командира В. С. Осипова, пилота А. П. Кузьмина, бортмехаников П. И. Гончарова и Н. В. Максимова, радиста Н. И. Старикова и штурмана — автора этих строк — подготовил «К-493» — ту самую машинку, на которой полгода назад В. М. Перов летал на спасение бельгийцев. Вместе с нами на станцию Уилкс направлялись врач С. А. Косачев, метеоролог В. И. Шляков и переводчик В. П. Луговой.

Взлетаем, ложимся на курс.

Появился впереди шельфовый ледник Шенлтона, протянувшийся на сотни километров. Почему это Осипов вдруг нахмурил брови? Когда я подошел к командиру, он молча указывал глазами вперед, где прямо по курсу встает санниково-серая стена. Это пурга!

Входим в снегопад, солнце скрывается в облаках, самолет начинает подбрасывать порывами ветра. Уже не видно подстилающей облака поверхности шельфа, и летчики ведут самолет вслепую, по приборам. Чтобы наверстать задержку из-за встречного ветра и поспеть в Уилкс до захода солнца, летим не вдоль берега, а напрямик, через край ледникового плато. Набираем высоту — 1500 метров. Но этого оказывается мало. Все ближе подблизается к самолету снежная поверхность ледяной пустыни, по которой

Через четыре часа полета выходим в бухту Висленс, на восточном берегу которой расположилась станция Уилкс. Изумительная картина открывается справа. В глубине бухты с высоты 600—700 метров низвергается в море гигантский ледник в форме амфитеатра — настоящий ледяной водопад, ярко освещенный лучами заката. Но любоваться им некогда. Старков принял тревожную радиogramму: «Погода в Уилксе портится, на купол, где размечена посадочная площадка, наплывает плотная облачность».

Снижаемся над морем и вскоре видим впереди ярко-красные домики австралийской станции. Посадочная площадка — на белоснежной поверхности ледникового купола. Рассеянный свет, многократно отраженный от снега и низких облаков, не дает летчику определить на глаз расстояние до ледника по вертикали. Видим вздохом, людей, посадочные флажки; все они будто подвешены в молочно-белом тумане.

Развернув машину вдоль флажков, В. С. Осипов мастерски садится в непроглядной белой мгле. Австралийцы встречают нас с огромным радушием.

Доктор С. А. Косачев и австралийский врач проводят консультацию, советуется по радио с врачами Мирного.

Два дня прожили мы в гостях у австралийских коллег в самой дружеской обстановке. Начальник станции мистер Дингл подробно ознакомил нас с научными работами. За это время врачи уточнили диагноз больного, пришли к единому мнению о средствах лечения. Поблагодарив за гостеприимство наших новых друзей, мы собрались в обратный путь домой.

Вскоре после взлета бортрадист Старков принял из Уилкса благодарственную телеграмму Дингла с пожеланиями счастливого пути. Хотя старт наш был и трудный — взлетали с покрывшего туманом купола, но зато на всем обратном пути над морем погода благоприятствовала нам. Приятно было опуститься на знакомом аэродроме Мирного. Надзором говорит послышав: «В гостях хорошо, а дома лучше».

Мирный (по радио).

сдал, называется «Монтаж подстанций высокого напряжения», принесла домой и ничего в ней не поняла. Потом я узнала, что он заочно учится в Энергетическом институте. Это меня очень огорчило, так как я же закончила семилетку, и как же после этого могу мечтать о нем! Я так мучилась несколько дней подряд. А потом я решила постоять на своем, быть достойной его и уже с осени учусь в восьмом классе вечерней школы рабочей молодежи и теперь непременно закончу десятилетку».

Письмо получалось длинное и бестолковое. Выходило пока лишь так, что самое главное все еще не высказано. Недавно Валя решила передать Березину такую записку: «Вы меня, наверное, не замечали, а я вижу вас почти каждый день. Я вас полюбила, как увидела, с первого взгляда, хотя Лена Быкова говорит, что

такой любви быть не может. Но все-таки, что бы она ни говорила, а я вас очень люблю. Моим словам хотите верить, хотите нет, но если они вам не по сердцу, я все равно буду думать о вас, этого вы мне запретить не имеете права. Незнакомая вам Валя Ф.э.

Был вечер, уже взошла полная луна, всюду лежали голубые сугробы, отбрасывая черные тени, мороз поджигал щеки, снег скрипел под ногами, в темных бараках светились теплые окна, а вдалеке, в котлованах и на перемычке, горели прожекторы, и оттуда доносился бессонный гул экскаваторов, бульдозеров и самосвалов.

Валя торопливо шла в библиотеку по накатанной машинами дороге и все думала о том, почему один человек любит, а другой, тот, которого этот человек любит, холоден и равно-

душен к нему и не может сам догадаться о его чувствах. Почему любовь приносит столько страданий и мучений, когда она должна принести всем людям одну только радость?

Не успела она, страхила снег с валенок, подняться на крыльцо, как дверь распахнулась, и Березин вышел ей навстречу. Ушанка на нем была надета набок, тулуп застегнут на одну пуговицу, а под мышкой торчала пачка книг и тетрадей. Валя заробела, посторонилась, а он не спеша сошел с крыльца и зашагал, поспевая, по середине улицы. Валя смотрела ему вслед, до боли сжав в кулаке свою записку, а в ее жаркой голове рождались в это время стихи:

Ах, зачем, ах, зачем эта астрона?
Мне вовек бы тебя не видеть.
Ах, зачем, ах, зачем этот вечер,
Что заставил меня так страдать?

«Милая, дорогая подружка! Я недавно хотела с ним объясниться, но как увидела его, так опять стала словно дурочка и ничего не сказала, мне только захотелось броситься ему на шею и поцеловать, но он прошел мимо, словно меня и не было. — Перечитав эти строчки, Валя судорожно вздохнула и продолжала писать: — Я вернулась домой очень расстроенная, даже ужинать не захотела, разделась и легла в постель и все думала про него и про то, какая я несчастная, и мне так жалко стало себя, что я заплакала и незаметно как стала всхлипывать. Девчата еще не ложились, стали спрашивать, что со мной, но я ничего не могла им объяснить, только сказала, что мне приснился страшный сон, не что Лена заметила: «Не имей привычки спать на левом боку».

Милая подружка! Посоветуй, что мне делать. Настоящая это любовь или нет? Сама я ни на что не могу решиться, поскольку такое чувство у меня впервые и от него у меня голова совсем закружилась. Я бы, конечно, могла все рассказать девчатам, но мы же решили строго вести себя в быту, и я боюсь, что они скажут, что я с такими отсталыми своими взглядами на любовь не имею права состоять в бригаде. Напиши мне, пожалуйста, что у вас слышно насчет того, каким должен быть член передовой бригады, какого поведения в быту, имеет ли он право бороться за личное счастье и имеет ли право девушка, которая очень любит, сама подойти к молодому человеку и сказать ему об этом, или она должна ждать, пока он не подойдет. Но сколько же ждать можно? У нас насчет того, какими мы должны быть теперь, никто пока толком не знает, а у вас, наверное, уже все известно, так что напиши мне, пожалуйста, поскорее, я буду ждать ответа с нетерпением и тогда решу, что мне делать».

Теперь письмо вполне закончено. Валя ставит жирную точку, заклеивает свое драгоценное послание в конверт, надписывает адрес и как есть — в одном платице с оголенными, поддевками тонкими руками, в легких туфельках — выбегает на улицу. Ветер кидает ей в лицо мокрый снег, обтягивает платьем всю ее ладную, крепкую фигурку. На стене соседнего барака висит почтовый ящик. Валя, раскрасневшись, совсем не чувствуя холода, добегают до него, опускает конверт в щелочку и мчится обратно, сочиняя на ходу:

Для чего нам слова с тобой, милый?
Чтоб друг друга обжорать.
У меня лишь хватило бы силы
Правду жизни своей рассказать.

В сенях, с разбегу влетев в них, она выбивает дробь каблучками, чтобы ссыпать прилипший к туфелькам снег, и врывается в тепло общежития. На душе у нее оттого, что она наконец высказала в письме все, так долго не дававшее ей покоя, оттого, что скоро будет получен ответ и тогда все-все на свете и в ее жизни станет ясно и понятно, на душе у нее в эту минуту царит умиротворение, и Лена, лежащая с книгой в руках, удивленно глянув на ее счастливое, веселое, озорное, отразившее в себе эту душевную успокоенность и несказанно похорошевшее от этого лицо, строго спрашивает:

— Куда носилась?

— А так, — беспечно кивает Валя на дверь, — до почтового ящика!

АМЕРИКА

Это памятник первооткрывателю Америки Христофору Колумбу в Сан-Франциско. Колумб добирался до Америки два месяца восемь дней. Наша делегация — делегация редакторов молодежной и студенческой прессы СССР — почти четыре... года. Причина проста: во времена Колумба не было государства, который выдает визы...

В один из дней нашего пребывания в Америке большинство газет напечатало объявление:

«Вниманию! Держите свои окна закрытыми, а двери запортыми! Не зажигайте свет в ваших спальнях! Дракула возле вашего дома. Будьте осторожны! Вниманию!»

Она... на экраны вышел новый боевик — «Улиас Дракулы».

Комментарии, следовавшие ниже, гласили: «Страшный любовник, который умер, но который жив». «Он однажды попробовал кровь из ее вен». «Кто будет его жертвой в следующую ночь?». «Не осмеливайтесь смотреть этот фильм в одиночку!»

Восьмистаговая афиша на одном из зданий Бродвея рекламировала того же Дракулу.

Площадь в Нью-Йорке. Этот юноша демонстрирует прохожим свое «изобретение»: новый музыкальный инструмент, изготовленный из таза и водопроводной трубы. Зачем такой нужен — ясно не очень. У большинства зрителей он вызывает недоумение и улыбку. Но в США любят оригинальное, и — как знать — может быть, вскоре он переночует в какой-нибудь джаз. Во всяком случае, молодой человек надеется на успех...

«Прекратить испытания водородных бомб, спасти человечество» — написано под номером этой машины, встретившей нас в Чикаго.

Лидер демократической партии США г-н Э. Стивенсон весьма любезно принял делегацию. Он сказал, что приветствует установление культурных контактов между нашими странами, и высказался за — торговых отношений.

— Торговля — хороший способ укрепления связей, — заметил он.

К сожалению, председатель национального комитета этой же демократической партии г-н Батлер к развитию торговли отнесся иначе. По его мнению, торгун с СССР, Соединенные Штаты будут укреплять «агрессора, который собирается установить мировое господство». Если бы г-н Батлер не был г-ном Батлером, ему можно было бы посочувствовать: попал-де в сети пропаганды. Но г-н Батлер из тех, кто сам делает пропаганду. Поэтому разговор с ним не по нашей линии получился менее вежливым, чем полагается при подобных визитах.

Нью-Йорк. Вид на город с крыши Дома американской радиокорпорации.

Порт в Сан-Франциско и пролив Золотые Ворота. На острове посередине — знаменитая тюрьма Алькатрас для «особо опасных».

— Кто сюда попадет, уже не сбегает, — заметил наш гид.

Как вы думаете, что это за массивный цилиндр, похожий на недостроенную силосную башню? Вряд ли догадаетесь.

Это церковь, расположенная на территории Массачусетского технологического института. Как видите, служителям культа США не чужды новые веяния искусства. Более того, абстрактная фигура вместо креста, как и само здание, настолько пришлась им по вкусу, что Всеамериканский совет церквей признал эту церковь одной из лучших среди построенных за последние двадцать пять лет!

Нью-Йорк. Бродвей.

В негритянском районе Чикаго.

Г-н Фокс руководит иностранным отделом Школы бизнесменов. Он рассказал, что, кроме финансовых и торговых дел, здесь изучается специальный курс «Ответственность бизнесмена перед обществом». Г-н Фокс долго пытался убедить нас в том, что если промышленники и торговцы будут достаточно просвещены в этой области, то конфликты между ними и обществом исчезнут(!).

— Когда в Стамбуле вспыхнула эпидемия, — доказывал свою мысль г-н Фокс, — компания решила задержать продажу пенициллина, пока взойдут цены. Там не менее одна фирма начала продажу. Это было и выгодно и гуманно.

По мнению г-на Фокса, фирма поступила так, «сознавая» ответственность перед обществом.

Чувствуют ли американские капиталисты свою ответственность перед пятью миллионами безработных? Об этом г-н Фокс ничего не сказал.

В Бостоне делегация посетила один из металлообрабатывающих заводов.

В этом же городе мы познакомились с Гарвардским университетом — старейшим учебным заведением США. На снимке — читальный зал библиотеки университета. Когда мы удивились, что студенты сидят в таких странных позах, то нам разъяснили:

— У нас так принято...

А этот снимок сделан у одной из школ во время перемены. Здесь только черные ребяташки. Но дело происходит не в южных штатах. Нет, школа находится в Чикаго, причем не в негритянских кварталах, а в одном из центральных районов. Конечно, здесь к неграм относятся иначе, чем на Юге. Ведь именно Север воевал в прошлом веке за их освобождение. Однако жить в одних домах, обучать детей в одних школах с неграми многие в Чикаго тоже считают недостойным...

АМЕРИКАНЦЫ

«Русские очень оживились, когда во время посещения Смитсоновского астрофизического института им показали последние данные об их полеторатонном спутнике. Они были рады, когда доктор Аллен Хайник, глава отдела орбиты спутника, вручил им фотографию его пути». Это сообщение, напечатанное в американских газетах, не вызвало с нашей стороны (а бывало так нечасто) ни-

важных карикатур. На снимке — д-р Аллен Хайник делает надпись на фото.

Бостон. Одна из улиц старой части города.

Понюхавшийся трактирчик с необычным названием «Первый и последний шанс» стоит на набережной городка Окленда, расположенного в штате Калифорния, поблизости от Сан-Франциско. Своей известностью он обязан Джону Лондону.

В юношеские годы будущий автор знаменитых романов, чтобы помочь семье, нередко зарабатывал деньги ловлей устриц. Здесь, на берегу залива, он и познакомился с владельцем трактира Джорджи Хейнолдом.

Знакомство с Джорджи продолжалось и после поступления Лондона в калифорнийский университет. Писатель вспоминает: «В дни борьбы за образование мне не раз приходилось заглядывать к Джорджи Хейнолду, чтобы занять денег...»

Говорят, что нередко Джек Лондон прямо тут, за одним из столиков, бросая наброски своих произведений.

После смерти Джорджи владельцем трактира стал его сын Джорджи Хейнолд. Он-то и рассказал нам эту историю. Джорджи тоже помнит Лондона и в память о нем превратил трактир в своеобразный музей. По стенам развешены портреты писателя, старые литографии, сувениры и визитные карточки, оставленные туристами, снимки моряков — засагдатова «Первого и последнего шанса». Обстановка в трактирчике та же, что была в те далекие годы: те же газовое освещение, те же столы и стулья, тот же музыкальный ящик. Даже пиво идет из старых бочонков прошлого века...

— В знак моего уважения к вам и в интересах международного положения я дарю вам этот обед! —

таинными словами встретил делегацию хозяин бостонского кафе «Шокарт дарджин парк».

Несмотря на суровую внешность, владелец ресторана принял нас очень гостеприимно и после вкусного обеда охотно познакомился с работой буфета и кухни.

В отличие от простых смертных эти люди не радуются, когда стоит хорошая погода и на полях зреют добрые хлеба. Цены на зерно зависят от видов на урожай, а заработки этих господ — от того, насколько они выгодно продадут или купят будущие урожаи. Будущие, потому что торгуют здесь главным образом не реальным зерном, а конт-

Это маклеры, а место действия —

Чикаго. Центральная хлебная биржа.

Когдаходишь в зал, где заключаются сделки, кажется, будто попал на какое-то состязание. Охрипшие голоса стараются перекрыть друг друга. На доске котировок мелькают цифры. Секст — и маклеру подбегает посыльный. Назначена новая цена — и маклер сам срывается к телефону, чтобы переговорить с руководством фирмы. В невообразимом шуме трудно что-либо понять. Поэтому «разговаривать» помогают руки: вытянутая рука ладонью наружу означает «продаю», внутрь — «скупаю». А каждый палец — это пять тысяч бушелей зерна.

— Я считаю неправильным, что вам не везде разрешали ездить, — сказал, беседуя с нами, старейший сенатор США г-н Теодор Грин. (В США для советских людей множество «закрытых» районов.)

Мы разделяли мнение г-на сенатора, хотя было и не совсем ясно, почему эти мысли он высказывает нам, а не госдепартаменту.

Доктор Е. С. Мусаяев ведет прием.
Фото Р. Лихач.

ХИРУРГИЯ БЕЗ НОЖА

Георгий БЛОК

Владимир Петрович Филатов, мастер тончайших операций на глазах, говорил, что мечтает о том времени, когда любое чисто хирургическое заболевание будет успешно лечиться, не прибегая к иссечению.

Именно такая идея захватила Елену Сергеевну Мусаяеву, опытного хирурга, коммуниста. И вполне естественно: хирург, как всякий врач, прежде всего гуманист. Ей приходилось совершать ампутации по поводу спонтанной гангрены. Каждый раз после операции Мусаяева думала: «Неужели нельзя избежать вмешательства скальпеля?»

«Вы, быть может, слышали про облитерирующий эндартерит? Это — тяжелое заболевание. Оно подкрадывается незаметно. Холодеют, коченеют ноги, кожа приобретает синевато-мраморный цвет, в икрах возникает колющая, ноющая боль, судороги сводят мышцы, в стопах исчезает пульс. Ходить становится трудно.

Врачи различают три стадии болезни. Чаще дело ограничивается самой легкой — первой. Всегда ли? К сожалению, нет. Самая тяжелая — третья стадия, когда наступает омертвение, чернеет палец. Выход — ампутация, но не пальца, а всей ноги выше колена. Порой и тут нельзя поставить точку: иной раз болезнь одолевает и вторую ногу, а то и руки...

Каково происхождение этого недуга? Единого мнения у ученых нет. Одни объявляют виновником никотин, другие подозревают инфекции, третьи ищут главного нарушителя в нервной системе, четвертые называют иные причины... Словом, спор продолжается.

Но развитие болезни уже изучено весьма подробно. Грубо говоря, она сводится к тому, что сосуды ног суживаются, кровь в них застаивается, образует пробки — тромбы, артерии постепенно зарастают, становятся непроходимыми. А раз ослабел ток крови, значит, ухудшилась доставка питательных веществ и кислорода.

Организм борется, посылает кровь в обход главных артерий.

Но это только отсрочивает неизбежный финал. Даже самое упорное лечение редко приводит к стойкому улучшению. Процесс неминуем; несмотря на настойчивые усилия врача, назревает развязка — ампутация. Это на печальном опыте больных видела и Елена Сергеевна. Перепробовав различные лекарства и методы терапии, она с горечью убеждалась в своем бессилии. Было ясно, что болезнь полностью не остановить, в лучшем случае организм получит передышку. И только.

Трудно сказать точно, как и когда родилась идея нового метода лечения. В литературе были указания на попытки лечить это тяжелое заболевание кислородом. Размышляя, Е. С. Мусаяева решила сделать попытку преградить путь болезни именно заслоном из кислорода.

Раз дело в том, что при эндартерите сосуды ног испытывают острый недостаток кислорода, то нельзя ли его восполнить?

Доктор Мусаяева обратилась к опыту отечественной и зарубежной медицины. Вскоре ей стало ясно, что в этой области сделано не так уж много, хотя лечебный эффект кислорода подтверждали многие ученые.

Что же происходит с кислородом в организме? Этот жизненный газ всасывают не только легкие. Тот же процесс совершается в тончайших кровеносных сосудах — капиллярах, а значит, и в самой крови. Здесь происходит его превращение, окисление. Взамен выделяется углекислота, переносимая обратно в легкие, откуда она выдыхается наружу.

Каким путем доставить кислород клеткам и тканям ног?

Ингаляционно, вдыхание воздуха, обогащенного кислородом, пришлось бы считать заблуждением. Потребовалось бы слишком много кислорода. Но это еще полбеды. Главное: при этом способе почти ничего не попадает к отдаленным периферическим клеткам. Каналы, по которым, словно груз на плоту, сплавляют мельчайшие капельки кислорода, у больного человека частично разрушены, перерезаны, выбыли из строя, и рассчитывать на успех не приходится. Значит,

необходим обходный маневр, надо миновать легкие — единственную дорогу, предоставленную человеку природой, и создать вторую дорогу — «объезды». Иначе говоря, вводить кислород непосредственно под кожу, создать искусственное подкожное дыхание.

Новинка ли это? Нет. Уже свыше полувека при различных заболеваниях применяется подкожное введение кислорода. Правда, весьма робко, совместно с другими лекарственными препаратами. Организм при этом словно приобретает новые силы, энергичнее сопротивляется с болезнью. Однако, несмотря на явный лечебный эффект, отмеченный всеми, кто прибегал к услугам жидкостного газа, о нем почему-то забывали.

Почему? Видимо, потому, что не было хорошего аппарата, удобного в обращении, строгого в дозировке. Кроме того, некоторые смущало, что вследствие несовершенства прибора вместе с кислородом в кровь попадал азот, вызывавший неприятные осложнения.

А главное, оставалось неизвестным, какая именно доза обладает наивысшим лечебным влиянием. Вводили кислород на глазок. Одни с помощью шприца, другие соединяли полую иглу через резиновую трубочку с кислородной подушкой и действовали наобум.

Словом, простой, удобной, мало-мальски совершенной системы не существовало. Скорее всего этим и объясняется то, что кислород не завоевал признания врачей.

Уже первые сеансы лечения эндартерита вдуванием кислорода убедили Мусаяеву, что нащупан правильный путь. В некоторых случаях она наблюдала разительные перемены: развитие болезни решительно тормозилось, судороги в икрах прекращались, «мраморная» кожа розовела, теплели пальцы и ступни ног, возвращались сон и аппетит.

Однако надо было еще установить, какая порция кислорода действует наиболее целебно.

После долгих поисков дозе была установлена — триста кубиков. Именно такая порция оказалась самой эффективной. Курс лече-

ния — двенадцать — пятнадцать сеансов. В тяжелых и запущенных случаях курс приходится повторять.

— Больно?

— Ничуть! Хотите испытать на себе? — спросила меня доктор Мусаяева. — Садитесь на койку, стисните ногу ниже колена... Вы получите зарядку бодрости.

Немедленно появилась неизменная помощница Елены Сергеевны медсестра Клавдия Ивановна Мартынова.

Легкой укол — и игла ушла под кожу. Нога стала наполняться кислородом, потолстела, раздалась. Когда я встал, у меня появилось удивительное ощущение, словно в ногах поселился жужжащий пчелиный рой. Ноги стали теплыми, как будто их погрузили в горячую ванну. Куда-то девалась усталость. Чудесное ощущение!

...Вот уже пять лет в поликлинике имени Дзержинского, где работает Е. С. Мусаяева, идет ежедневный прием больных. За это время через ее благодетельные уколы прошло около пятисот больных.

Облитерирующий эндартерит, различные формы тромбофлебита, наконец, незаживающие трофические язвы — таковы заболевания, с которыми обращаются к Елене Сергеевне. Результаты, по самому осторожному заключению, весьма отрядные, несмотря на то, что встречались случаи, когда надлежит браться за скальпель. За пять лет больным, пришедшим в клинику, ампутация ни разу не понадобилась. Однако, правда, пришлось иссечь палец, пораженный гангреной, совершенно черный, да дважды удалить часть пальца. Сравните этот результат с данными мировой медицинской статистики: из десяти случаев эндартерита шесть заканчиваются обычно ампутацией ноги выше колена.

Каково, по мнению отечественных и зарубежных ученых, действие подкожного введения кислорода?

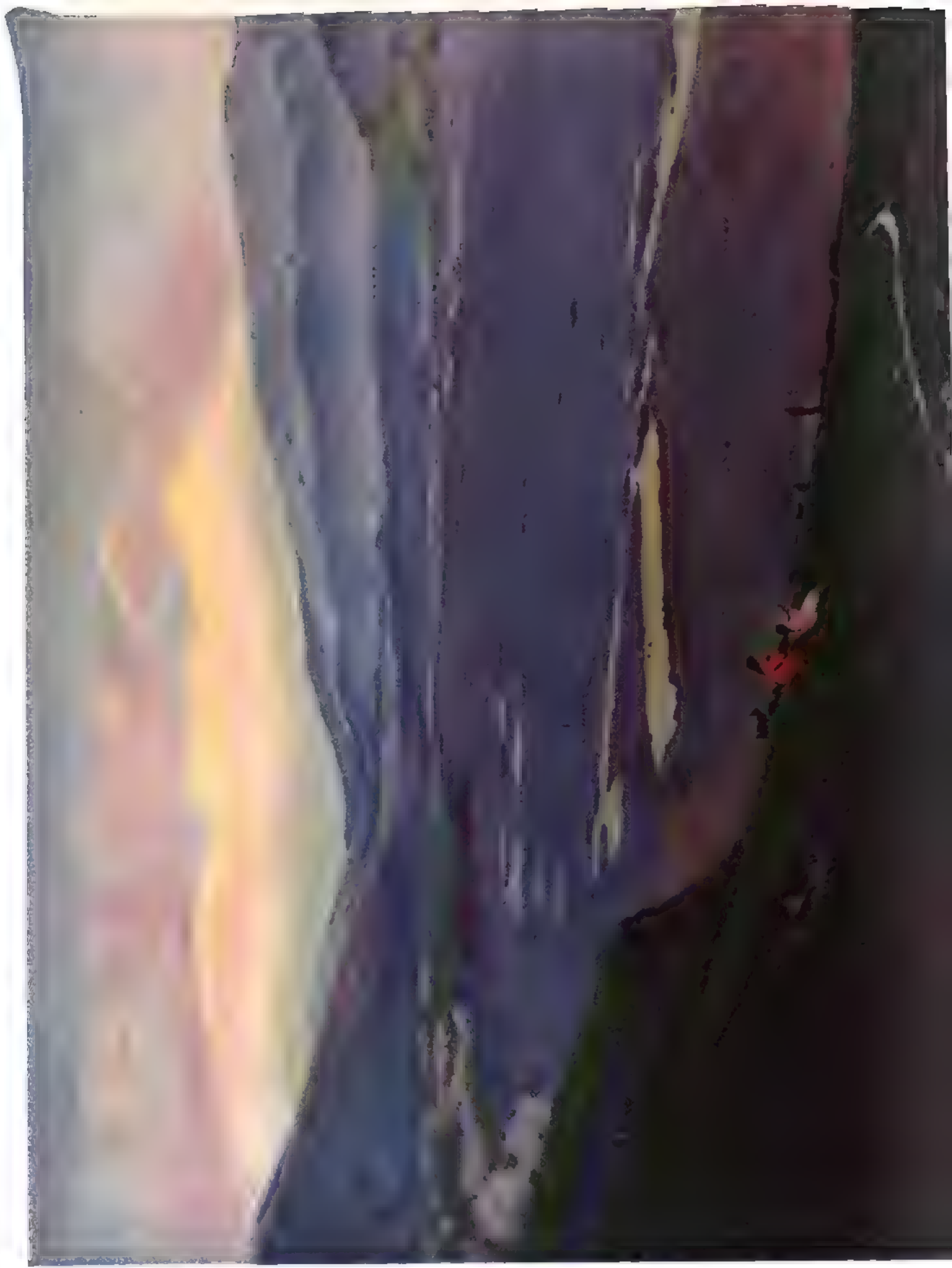
Механизм этот полностью еще не расшифрован. Однако и то, чем располагает сейчас наука, чрезвычайно интересно. Вторгаясь под кожу, кислород проникает в щели между тканями и лимфатическими железами, приходит в соприкосновение с капиллярами, венами и артериями. Растворяясь в плазме, он попадает в общий ток крови и, минуя легкие, обогащает ее, поощряет рост новых капилляров.

Чистый кислород усиливает, ускоряет обмен веществ в организме, уменьшает вязкость крови, окисляет гемоглобин. Он обезвреживает токсины, ядовитые вещества, выделяемые микробами, и способствует их удалению. Благодаря ему увеличивается число эритроцитов — красных кровяных телец, умножаются бактерицидные свойства крови и клеток.

И последнее. Доктору Мусаяеву удалось сделать важный шаг в борьбе против плохо поддающихся лечению болезней. Вызывает недоумение то обстоятельство, что ее метод, доступный и эффективный, не получил достаточно широкого распространения среди хирургов. Одного признания со стороны Министерства здравоохранения, медицинских учреждений столицы еще недостаточно. Надо передать опыт врача-энтузиаста, врача-практика всей армии советских врачей.

НОВЫЕ РАБОТЫ СОВЕТСКИХ ЖИВОПИСЦЕВ

ВЫСТАВКА «НАШ СОВРЕМЕНИК»

У. Тенсымбаев.

МАРТ
В УЗБЕКИСТАНЕ.

«Огонек»

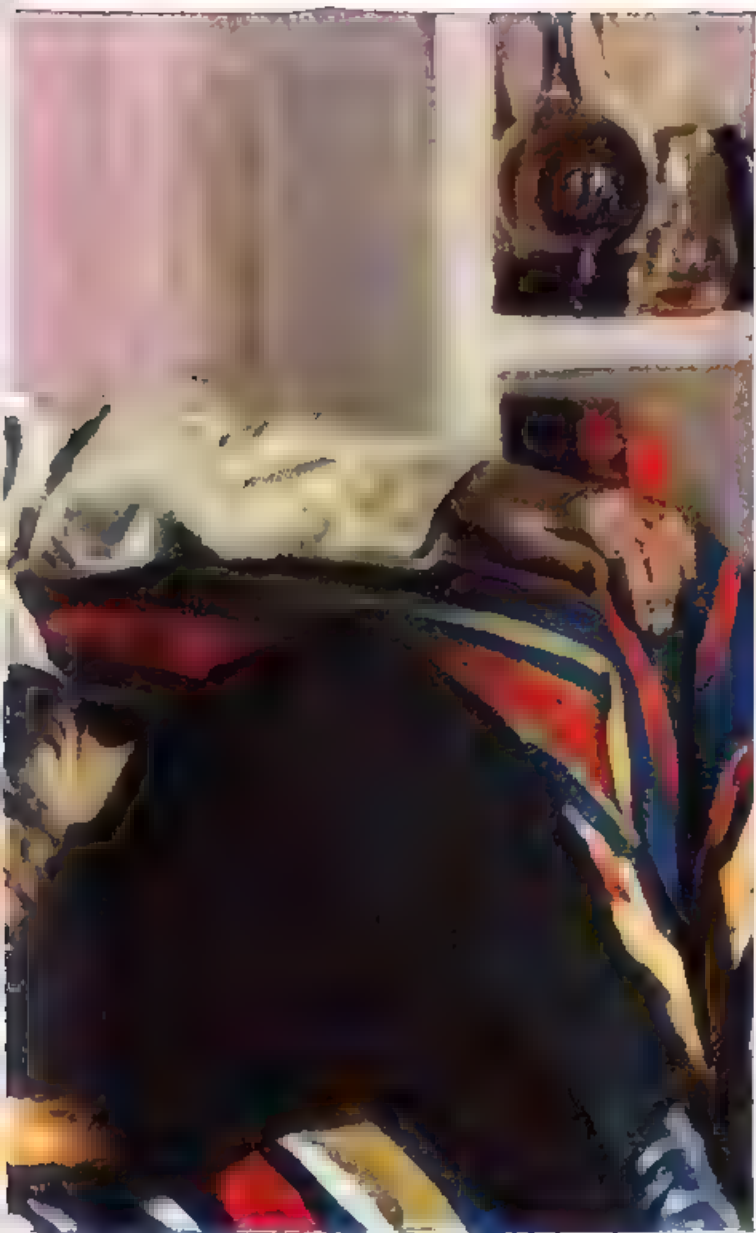
В. М. Орешников, СТУДЕНТ-ЦЕЛИННИК

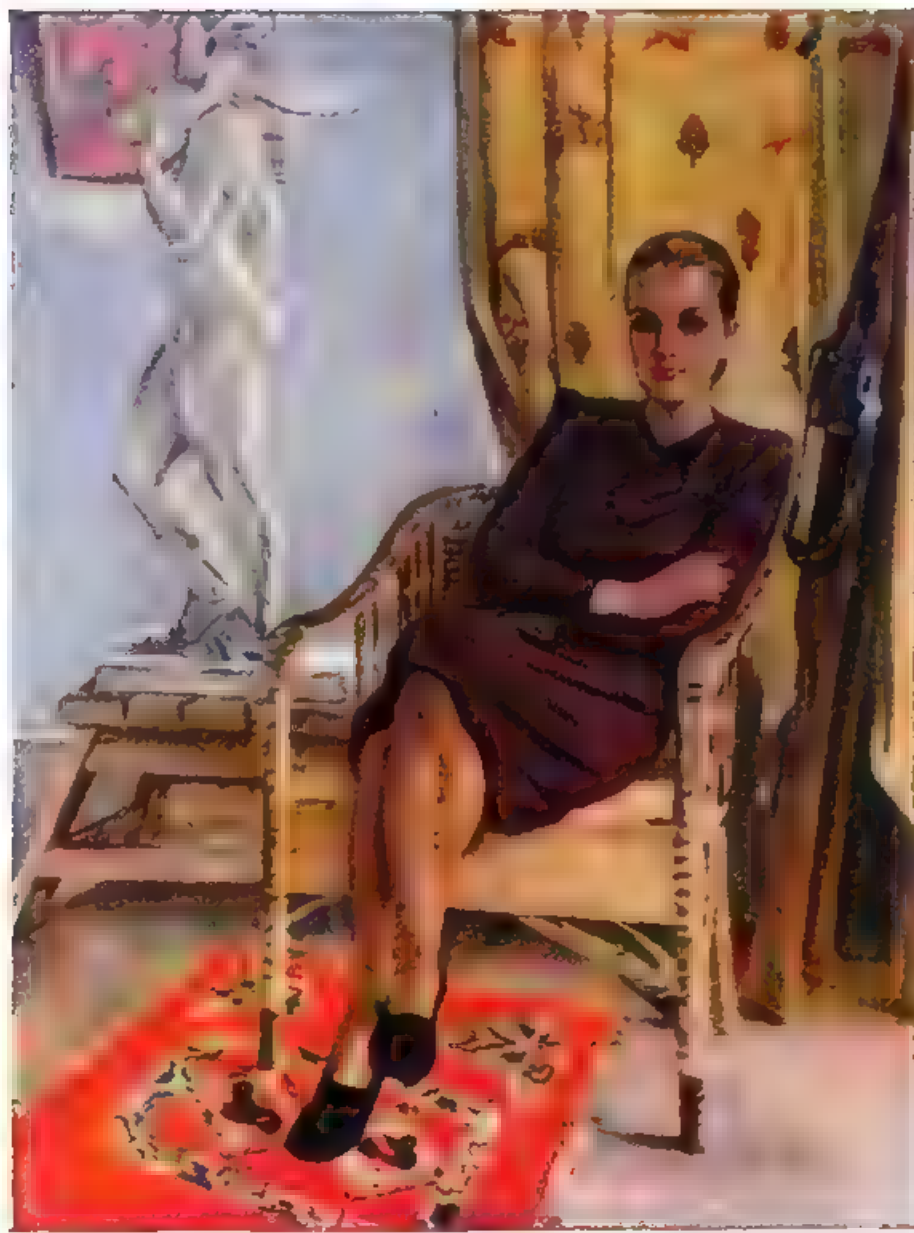
В. П. Ефанов, ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА
АКАДЕМИК П. Л. КАПИЦА

Я. Д. Ромас, ХОРОШАЯ ВЕСНА, РЫБАКИ КАСПИЯ

Д. К. Савошиков. СЕВЕРЯНКА

А. А. Дейнека. АРХИТЕКТОР Т. МИЛЕЩИНА.

г. Нижний Новгород. ЗЕЛЕНАЯ ДОРОГА

„ЛИХАУРФИЛЬМ“

Организатор «Лихаурфильма» Нодар Сургуладзе и продюсер грузинской секции кинолюбителей режиссер Реваз Иосадзе.

М. МЕСХИ

Места, о которых идет здесь речь, расположены в стороне от больших дорог, в самой глубине вечнозеленого края, овеянного близостью Черного моря; края чайных плантаций, мандариновых рощ и веселых, чистеньких сел.

Одно из них и есть Лихаури, большое, захиточное село, ничем особым не отличающееся от других.

Как и все вообще в этом краю, любопытно растет здесь виноград. Лоза обвивает стволы высоких, могучих деревьев, и, когда наступает пора сбора, деревенские «вертолазы» карабкаются с плетеными корзинами в самое поднебесье.

Кукуруза вымахивает в полтора человеческих роста. Ее убирает комбайн по нескольку раз в сезон. А из зеленой массы на фермах готовят отличный силос для скота.

Руины средневековой крепости омываются водами беспокойной Ачис-цхали. В реке всегда много форели, а на берегах — хохочущей, орущей ногой детворы. Мальчишки ловят форель руками, это называется здесь каламаха. Веселое занятие. И вообще Ачис-цхали — веселая река. Говорят, что композитор Виктор Долидзе, который провел свое детство на берегу этой реки, именно здесь подслушал веселые мелодии своей конической оперы «Като и Котэ». Вблизи Ачис-цхали рос будущий мастер сцены Вл. И. Немирович-Данченко, уроженец этих мест.

Первые грузинские кинематографисты снимали здесь много фильмов. В «Дарико», например, попала такая достопримечательность Лихаури, как громадный дуб. В фильме заснят и дед Заал Салуквадзе, неизменно сидящий у подножия дуба. Сельский доктор Виктор Махарадзе часто ставит в пример молодым лихаурцам этих неразлучных друзей, которых роднит общее чувство привязанности к

своей земле. Дубу — 500 лет, Заалу — 130...

Молодажи в Лихаури растут хорошие, работящая, способная. Тот, кому довелось слушать вокальный ансамбль «Шандикадзе», может быть, запомнил песенку Хасамбегура. Это лихаурская песня, и Миша Шавишвили, который ее поет, — лихаурец. Если же взглянуть вечером в дом колхозника Ломджария, можно послушать Шопена в исполнении его дочери, школьницы Мэна. Девочка очень надурно играет на пианино. Но не думайте, что часы на ее руке купили ей папа с мамой. Это подарок ЦК комсомола Грузии за то, что Мэна умеет проворно снимать чайный лист с кустов.

Словом, есть свое интересное в Лихаури, и рассказать об этом селе можно много, особенно если живешь здесь и знаешь его как свои пять пальцев.

Поэтому, когда Нодар Сургуладзе написал сценарий «Родного села», получилась на первых порах чуть ли не целая книга.

В сценарном деле, надо признаться, автор не был искушен. Его, комсомольца, только что окончившего Тбилисский университет, направили в родное село директором Дома культуры. Красное, только что отстроенное здание было пустым и безжизненным. «Поставить пьесу хотя бы», — думал Нодар. Но лихаурские женщины не соглашались выступать на сцене в качестве актрис. Тогда он мобилизовал свою жену Ленку.

Ленка выросла в городе, окончила институт иностранных языков и поехала на самостоятельную работу в село. Вместе с ней появилась в Лихаури и ее сокурсница Ламара. Избранником Ламары стал преподаватель истории Лихаурской средней школы Нодар Салуквадзе (Нодар-второй). Два Нодара и их жены составили ядро

Успех постановки оказался ре-

Сверху вниз: кадры из фильма «Родное село». Сбор винограда.

Нина Нишнанидзе ведет урок в колхозной музыкальной школе. Хорошо плаваться в горной реке Ачис-цхали!..

Оборудив чаю Цвала Шопистами, ли учится заочно на агронома. Стотридцатилетнего Заала Салуквадзе слушают молодые лихаурцы.

Особенно расшевелило лихаурскую публику участие женщин в спектакле. Лад тронулся. В Доме культуры постепенно налаживалась интересная жизнь фотомобилей, шахматистов, певцов, танцоров, любителей литературы и иностранных языков.

Нодар сгитировал переехать в Лихаури батумскую учительницу музыки Нину Нишнанидзе, которая организовала здесь двухгодичную музыкальную школу для колхозных детей.

Нет, не сразу родилась у адашней молодежи идея и появились возможности создать своими силами фильм. Хлопотливым делом оказалось приобретение съемочного аппарата. Снабженный колхозными деньгами и ворохом бумаг — отношений, писем, — Нодар воевал за ним в Москву.

А тем временем в Лихаури готовилась съемочная группа: оператор Нодар-второй, музыкальный оформитель Нина Нишнанидзе, два осветителя — колхозные монтеры Гоги Джанджанидзе и Нодар Горделадзе и другие.

То, что происходило дальше, может послужить темой для самостоятельного веселого фильма. Разумеется, «Родное село» создавало все Лихаури. Как и следовало ожидать, каждый шаг съемочной группы стал предметом самых горячих обсуждений, споров и даже легких конфликтов. Переживали каждое затруднение всем миром.

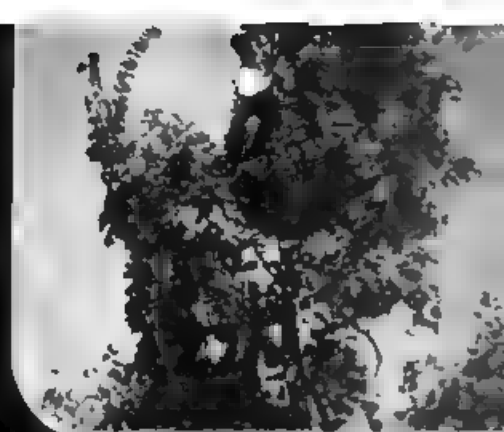
Однажды, когда вся группа мучительно раздумывала над тем, как «высветить» лихаурскую ночь, подошел колхозный шофер Шота и сказал:

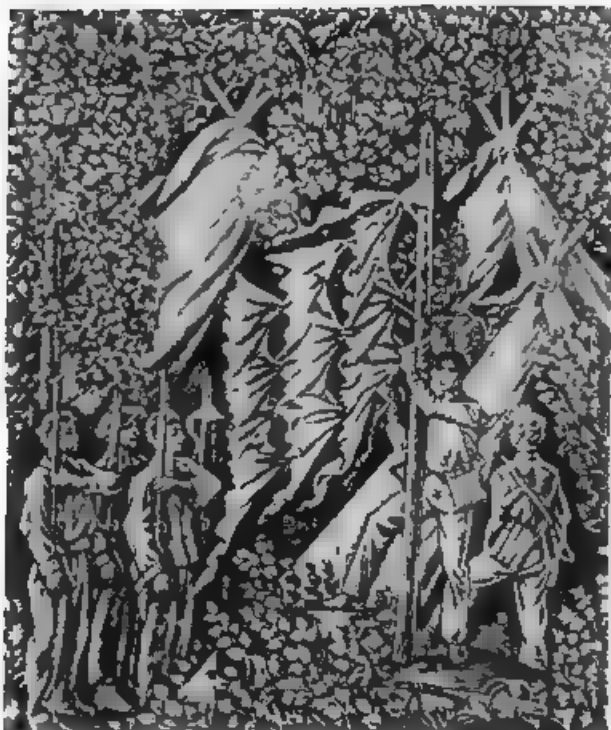
— А машины для чего? Штук пятнадцать наберется по салу! Поставим, включим фары — лучше не надо!

На монтаж и озвучивание поехали в тбилисскую студию «Грузия-фильм». Нодар-второй должен был читать дикторский текст. Записали, прослушали — не годится у Нодара голос. Хриптит. Перезапись назначена на следующий день. Что делать? Перезапись — это деньги. Профессиональный диктор — тоже деньги! Бросились оба Нодара к артисту театра имени Руставели Эросию Манджгаладзе. И, конечно, все обошлось.

Так и появилось на экранах «Родное село», документальный фильм в двух частях, сделанный в подарок юбилею Ленинского комсомола.

Сейчас лихаурская молодежь снимает новый фильм о культурно-бытовом строительстве в Махарадзевском районе.

Одна из фресок художника Амбляра в зале заседаний муниципалитета.

ЦИТАДЕЛЬ

„Красного пояса“

Сергей ЗЫКОВ

Национальная дорога № 1 берет свое начало на внешних бульварах Парижа, у Порт ла Шапель. Широкой асфальтированной лентой устремляется она на северо-запад, к нормандским берегам. Но, пройдя через несколько километров до города Сен-Дени, она капризно огibt его, словно не желая затеряться в лабиринте узеньких улиц, уставленных плотно прижавшимися друг к другу двух- и трехэтажными домами.

Если покинуть здесь магистраль и пойти туда, куда указывает стрелка с надписью «Центр города», то скоро вы окажетесь на главной площади. Справа увидите великолепный в своей древности храм. Вплотную к нему примыкает скрытое за высокими стенами в густом парке бывшее аббатство, а со времен Наполеона — воспитательный дом для детей кавалеров ордена Почетного легиона. Прямо перед вами стоит мало чем примечательное здание мэрии. Но внутри его вы можете

обнаружить замечательный зал заседаний, расписанный художником Амбляром: фрески во всю стену изображают французских партизан в годы Сопротивления. Остальную часть площади окружают магазины и кафе. Здесь каждое утро расставляют свои палатки рыночные торговцы.

Мирная, обитанная картина, свойственная множеству французских провинциальных городов. И сразу не представишь себе, что находишься в центре одного из крупнейших промышленных районов, опоясывающих Париж, и что храм не простой памятник ранней готики, каких немало в стране, но и место, связанное с историей Франции: это знаменитая базилика Сен-Дени — усыпальница французских королей. Здесь, под холодными тридцатиметровыми сводами, в неверном свете запыленных витражей, стоят надгробия, украшенные скульптурными портретами повелителей Франции, начиная с короля Дагобера I.

История Сен-Дени терзается в веках. Расположение его на главной магистрали, связывающей центр страны с северным побе-

рем, близость к столице всегда придавали городу стратегический характер. Сторожевой пост римлян до пятого века, аббатство, основанное в седьмом веке, укрепленное во времена Карла Великого, этот город, окруженный тремя фортами, еще в годы первой мировой войны сохранил значение опорного пункта на ближних подступах к Парижу.

Ныне форты пришли в ветхость. Их укрепления разбирают, используя камни для гражданского строительства. И если теперь к имени Сен-Дени часто присовокупляют воинственное наименование цитадели, то это уже совсем по другим соображениям. Город, славный своими революционными и республиканскими традициями, справедливо считается одним из главных бастионов пролетарского «Красного пояса» Парижа.

В дни Великой французской революции жители Сен-Дени вместе с парижанами поднялись против тиранов. В своем гневе они не пощажали королевской усыпальницы. Мрачные гиды, рассказывающие туристам о бесчисленных Карлах, Генрихах, Людовиках и их царственных супругах, когда-то похороненных в базилике, не забывают упомянуть о злодеяниях «черни», вскрывшей склепы и развевавшей прах королей на городской площади, в силу чего им, гидам, приходится показывать сегодня скульптуры, стоящие над пустыми могилами.

В муниципальном музее собраны интересные материалы об участии жителей Сен-Дени в революционных событиях прошлого века

и, в частности, в Парижской коммуны, о славном гражданине Сен-Дени Пьере Дегейтере, авторе музыки «Интернационала». В годы гитлеровской оккупации рабочие города отважно боролись против интервентов, за что многие были убиты в Германию, а 150 было расстреляно или замучено в застенках гестапо. В майские дни прошлого года, когда тень фашизма вновь нависла над Францией, жители города на массовых митингах заявили о своей готовности защищать республику.

Цитадель «Красного пояса» Парижа, Сен-Дени издавна выбирает в свой муниципалитет передовых борцов за дело рабочего класса. Если раньше в составе муниципального совета многочисленными были социалисты, то с 1921 года, то есть после создания Коммунистической партии Франции, большинство в нем неизменно принадлежат коммунистам.

Итоги последних муниципальных выборов, которые состоялись в марте, говорят сами за себя. Избиратели вынесли свое решение уже в ходе первого тура, так что им не пришлось прибегать к пере-

баллотировке. Список, представленный компартией, получил в Сен-Дени и в соседних поселках Пьерфит и Вильтанга абсолютное большинство — 66 процентов голосов. То же было и во время ноябрьских парламентских выборов. Депутат-коммунист Фернан Гренье был единственным в департаменте Сены кандидатом, переизбранным в первом туре.

Мэр Сен-Дени Оreste Жилло.

Раньше среди муниципальных советников находились и представители других партий: социалисты, радикалы, дегаллецы. Новый избирательный закон, который гласит, что партии, получившие меньше половины голосов на выборах, вообще лишаются мест в муниципалитете, направлен на устранение коммунистов из муниципалитетов. Но в рабочих районах, таких, как Сен-Дени, он обернулся против своих авторов. Отныне в орган местного самоуправления входят одни коммунисты: летоисполнительные рабочие, учителя, врачи, служащие, домохозяйки. В своем муниципальном совете, возглавляемом коммунистами, в его председателе Оreste Жилло, являющемся со времени Освобождения бессменным мэром города, жители видят надежных защитников трудящихся.

Права местных органов самоуправления во Франции ограничены бесчисленными законами и декретами. Незеротные трудности, и прежде всего недостаток средств, стоят на пути осуществления муниципальных советами пожеланий и требований избирателей. Но именно мэрии «Красного пояса» Парижа, возглавляемые коммунистами, показывают образец наиболее плодотворной деятельности даже при тех скромных возможностях, которыми они располагают.

Сен-Дени может служить тому примером. Благодаря подлинной самоотверженности, исключительной энергии и настойчивости членов муниципалитета, а также широкой поддержке населения за последние пятнадцать лет для города и его жителей было сделано гораздо больше, чем за предыдущие столетия.

Взять хотя бы столь острую во Франции проблему школьных помещений. Даже при двухсменных занятиях в классах в среднем учатся 50—60 учеников вместо нормы в тридцать человек. Муниципалитет Сен-Дени сумел построить 12 новых школ, реконструировать четыре старых и таким образом

обогатить город 202 учебными классами. Он добился создания центра профессионального обучения и утверждения плана строительства технического колледжа на 1 200 учащихся.

Много сделано для благоустройства города. Замощены новые улицы, проложены новые тротуары, выросла сеть водопровода и канализации. Построена и теперь расширяется небольшая тепло-центральный, уже дающая тепло в десятки домов, прежде лишенных всякого отопления. Появились никогда не виданные ранее муниципальные ясли и детские сады, диетическая кухня, снабжающая кормящих матерей и маленьких ребят. Создан муниципальный медицинский центр с больничным стационаром и родильным отделением, где уже пять лет применяются обезболивание родов по методам советских врачей.

Муниципальный совет организует выезд на летние и зимние каникулы детей рабочих. Одинокие старики (их более двух тысяч) получают от него повышенную помощь, для них создан специальный очаг. Созданы муниципальная библиотека с двумя отделениями и — гордость города — муниципальный музей, которому подарили свои картины Пикассо, Амбля, Фернан Леже, Марке и другие видные художники, а поэток-коммунист Поль Элюар, родившийся в Сен-Дени, завещал перед смертью ценнейшую коллекцию.

На окраинах Сен-Дени, в отдалении от заводских корпусов, построены за эти годы новые городки. Многоэтажные дома составляют единые комплексы, которые носят имена ученого Ланжевена, Поля Элюара, героев Сопротивления полковника Фабьена и Даниеля Казенова, Самара и Делона. Как не похожи эти светлые здания на темные и ветхие домишки старого Сен-Дени!

Можно перечислить еще немало дел коммунистической мэрии, направленных на улучшение жилищных и бытовых условий на-

селения города, охрану его здоровья, развития народного образования и культуры. Но Отюст Жилло, с которым мы беседуем после поездки по городу в его рабочий кабинет, не склонен их переоценивать.

— Все, что мы сделали, — говорит он, усаживаясь у окна, откуда открывается вид на древнюю базилику, — стоило огромных усилий. Но как это еще мало по сравнению с нуждами города! Я смотрю на фотографии, присланные Киевским райсоветом города Москвы, с которыми мы решили «побрататься». Какие дома, набережные, школы и мосты строите вы у себя и в каких масштабах! У нас нет и сотой доли ваших возможностей. Страна наша богата, но на удовлетворение нужд и потребностей трудящихся средств нет. Возьмем для примера жилищный вопрос.

Жилло достает толстую папку, заполненную документами, планами, чертежами. Оказывается, население кантона Сен-Дени выросло за пятнадцать лет без малого в полтора раза. Оно приближается к 90 тысячам жителей. Капиталисты строят и расширяют предприятия, но жилищ для рабочих не строят.

А старые здания ветшают. На днях в самом центре обрушился дом. Пришлось четыре семьи переселить. А другой сгорел — пострадало двенадцать семей. Куда их девать? У муниципалитета нет ни одной свободной квартиры. Вот и получается, что количество заявлений о предоставлении жилой площади растет во много раз быстрее, чем число входящих в строй жилищ.

— Сейчас, — рассказывает мэр, — на учете находятся тысячи и тысячи семей, нуждающихся в жилье, площади, намного больше, чем год назад. Я подсчитал, что при нынешних темпах строительства нам потребуется чуть ли не шестьдесят лет, чтобы удовлетворить эти нужды. Мне говорят порой: у нас дела не так плохи. Вот в Париже, чтобы дать квартиры всем, кто

Новый городок имени полковника Фабьена.

подавал заявления, нужно 100 млн 120 лет! Но это утешение, как вы сами понимаете, слабое.

Главное, — добавляет мэр, — стало совершенно невозможно получить кредиты на строительство. Все съедает война в Алжире: два миллиарда франков в сутки! А на эту сумму можно свыше 600 квартир построить!

В Сен-Дени и во всем «Красном поясе» Парижа республиканские муниципалитеты, добиваясь увеличения доходов, проводят политику, направленную на то, чтобы заставить платить богатых. Для этого они используют все возможности, которые им предоставляют существующие законы. Например, правило о «добавочном сантиметре». Оно заключается в том, что муниципалитет имеет право разложить на налогоплательщиков определенную пошлину, исчисляемую путем сложных выкладок для каждой коммуны отдельно, исходя из суммы налогов, взимаемых государством.

Чем богаче человек, тем выше платит он налогов, тем выше и тариф «сентимов», взимаемых с него. В Сен-Дени, опираясь на этот закон, муниципалитет довел максимальную ставку пошлины до 25 тысяч франков. В Нейи-сюр-Сен, где муниципалитетом управляют реакционеры, эта ставка равна всего 4 738 франкам, в Булонь-Бийанкур, где хозяйничают социалисты, — 6 007 франкам. А обе эти коммуны примерно такие же, как и Сен-Дени.

По тому же принципу поступает муниципалитет, определяя размеры других сборов. Так, он сумел освободить от ряда такс — за канализацию, за очистку улиц и т. д. — низкооплачиваемых служащих и рабочих, переложив все тяготы на хозяев предприятий и домовладельцев.

За счет поступлений, взимаемых с крупных промышленников и торговцев, муниципалитет сумел увеличить свой бюджет и ассигновать крупные средства на благоустройство города, на социальные мероприятия, развитие культуры и народного образования. Но что касается капитального строительства, здесь требуются крупные вложения, которые невозможно покрыть за счет бюджета города.

Из года в год муниципалитет возбуждает ходатайства перед различными министерствами о выделении кредитов на школьное и

жилищное строительство, на приобретение участков под застройку и т. д. Члены муниципалитета неутемимы. Именно благодаря этому Сен-Дени смог в прошлые годы получить изрядные кредиты, несмотря на отчаянное сопротивление консервативных чиновников и банковских заправил, норовящих лишить субсидий именно муниципалитеты, возглавляемые коммунистами.

В толстой папке мэра Жилло фотографии макетов и чертежи новых жилых поселков, крупного медицинского центра, зданий лицей и начальных школ. Пока это только проекты. Они еще не утверждены различными ведомствами и министерствами. Известно, когда это произойдет, и совсем не ясно, удастся ли в ближайшем будущем получить хоть часть необходимых средств. Перспективы более чем мрачные. Но товарищ Жилло не унывает. «Будем бороться, будем добиваться, нам не притянуть», — говорит он.

В созидательной работе мэрий «Красного пояса» реакция видит страшную для себя опасность. Ее пугает пример успешного руководства городским хозяйством представителями коммунистической партии, авторитет, который они завоевывают в народе своей самоотверженной деятельностью.

И не случайно все буржуазные партии в ходе недавних выборов объединились под лозунгом «устранения коммунистов» из муниципалитетов. Как известно, в рабочих районах эти расчеты не оправдались. В «Красном поясе» Парижа число муниципалитетов, возглавляемых коммунистами, увеличилось с 28 до 31. В ряде муниципалитетов возникли союзы по типу Народного фронта.

Что касается Сен-Дени, то он полностью оправдывает свое название цитадели «Красного пояса». И пусть по иронии судьбы в центре его красуется старая базилика, усыпальница королей, навевавшая воспоминания о веках тирании и деспотизма. Вокруг нее люди труда, в упорной многолетней борьбе завоевавшие демократические права и свободы, закладывают основы будущего общества и твердо стоят на защите республики.

Сен-Дени.

В яслях на улице Урсуллинок.

Вина непрощенная...

Нора АДАМЯН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Рассказ

Иван Ногайцев умирал.

Его жена Ольга говорила в клубе:

— Ой, надо нам, девочки, торопиться! Доктор Ване не дает больше десяти дней. Значит, если пятнадцатого спектакль сыграем, восемнадцатого Ваня умрет, а уж двадцатого я уеду.

Никого это не удивляло, потому что все привыкли и к Ольгиным разговорам и к болезни бывшего директора леспромпхоза Ногайцева. Еще полгода назад врачи сказали, что жить ему осталось не больше недели.

Ольга тогда же распродала всю хозяйственную утварь.

— На что это мне все? Уеду в родной город Ростов.

Женщины осуждали Ольгу, но укрдкой бегали к ней покупать посуду и барахло.

Доторговалась Ольга до того, что не в чем было вскормить Ивану Семеновичу молоко.

Соседка Ногайцевых Варвара Федотова укоряла мужа:

— Друзья, товарищи, а как до дела до-

шло — и нет вас! Собирались бы проведать Ивана Семеновича. Уморит ведь его Ольга.

— А я что сделаю? — хмуро отвечал Федотов. — Там не очень сунешься помогать.

Но он уговорил Рябова, Свободина, Первозова. Это все были старые работники леспромпхоза. Они давно знали Ногайцева, работали и с ним рядом и под его началом. Для них он был и Иван Семеновичем и Ванькой, смотря по обстоятельствам.

Они все побрились, надели новые костюмы и долго топтались, вытирая ноги, перед крыльцом маленького домика Ногайцева. Такие особнячки строили для рабочих в годы первых пятилеток. В поселке вытянулась длинная улица этих домов с палисадниками, в которых росли высокие ядовито-розовые мальвы и лиловые граммофончики. Зеленели грядки с укропом и редиской. В редком дворе не было пристройки для поросенка или оттороженного закуртка, где бродили куры с цыплятами.

В палисаднике у Ногайцева не росло ни травинки. Сарая земля была крепко прибитая. И при Анне Захаровне так было, — подумал Федотов. — Нехозяйственные все бабы ему попадались.

В передней их встретила Ольга. Видно, собиралась уходить из дому. Губы крашенные, на волосах капроновый шарфик.

— Ой, Ваня! — крикнула она в комнату. — Смотри-ка, гости к тебе!

Федотов вошел первым. Он увидел, как метнулся на кровати Иван Ногайцев, резко поднялся, сел, опираясь руками на матрац. Глаза его, презренные, острые глаза, асминулись навстречу Федотову, устремились поочередно на Рябова, на Свободина, на Первозова. И когда все они уже вошли, неловко толпясь у порога, Иван Семенович еще смотрел на дверь, а потом, поняв, что ждать больше некого, подполз к рукам и сполз на подушки.

— Ваня, Ваня, тебе доктор не велел подниматься! — заверещала Ольга, втескивая носом, сважеобструганные табуретки.

Черт знает, где она их взяла! Комната была совершенно пустая, только кровать да тумбочка у ее изголовья.

Иван Семенович обессилел от своего минутного порыва. Он лежал с черными провалами у глаз и у носа, плоский под зеленым плюшевым одеялом.

— Вы садитесь, садитесь! — суетилась Ольга, подтягивая табуретки к кровати.

Гости по очереди подошли, осторожно поддерживая большую валую руку больного.

— Птица, ты там сообрази, — хрипло распорядился хозяин, но Федотов предостерегающе поднял руку.

— Они не хотят, — сказала Ольга, — они с тобой так посидят, а я в клуб сбегу.

— Иди уж, иди... Мужчины проводили ее глазами и молчали, пока не хлопнула входная дверь.

Федотов сказал: — А не лучше тебе обратно в больницу, Иван Семенович? Там все-таки медицина.

— Належался я в больнице, — махнул, с расстановками ответил Ногайцев. — От одного запаха помрешь. Мне только уколы помогают, а уколы Ольга умеет.

Гости молчали. Иван Семенович уловил в этом молчании неодобрение.

— А на кой мне надо, чтоб надо мной раньше времени слезы лили! Она молодая, пусть живет, как хочет. Наплачется еще.

«Как же, заплачет она по тебе, жди!» — подумал Федотов, но согласно закивал головой.

Дальше завелся обычный разговор. Поругали нового директора леспромпхоза, человека чужого, присланного. Ругать его было не за что, но и хвалить при Иване Семеновиче казалось неудобным. Один простодушный Рябов высказался, что в отношении лесопосадок Мокева вроде подвинул дело, но на него дружно накинулись: «А работа? Так ли работали в прошлые годы?»

Говорили напряженно, неискренне. Каждый боялся сказать лишнее слово. Свободин начал было: «А вот в будущем году...» — и замолчал. Мог ли Иван Семенович заинтересовать будущий год?

Но он сам сказал: — Эх, а лет через пяток, да при мне был. Большие я дела замысливал!

Путаясь своих слов, Федотов утешил его: — Встанешь еще.

— Бесноватый какой-то! — проворчал хозяин, когда Ногайцев вышел из дома и побежал, прыгая с камня на камень.

— Вот закрутила его баба, вот захоронивала! — с завистливым восхищением причитала Тансия. — Денег-то, денег сколько на нее из...

И уже рассудительно оправдывала Ивана: — И то, дома у него чисто могила была. Анна и патефон в клуб отдала. На что, мол, нам после Митеньки. А Иван все же не старик. Живое о живом думает.

Не с этого ли времени начался разлад между друзьями? Нет. Если уж все вспоминать, то надо начинать много раньше, еще с войны.

Темной ночью первого военного года часть, где служили старший политрук Уваров и лейтенант Ногайцев, отошла за реку Сомную и залегла в наскоро вырытых окопах. Пользуясь затишьем, усталые люди уснули.

Уваров сидел в пещерке, оборудованной под временное жилье. Настроение было тяжелое, и много душевных сил уходило на то, чтоб скрывать это от бойцов, от товарищей, от самого себя. Потом эти дни вспоминались как самые трудные за всю войну.

От непривычной тишины стали путаться мысли. Уваров еще не спал, но был на той грани бодрствования и сна, когда пробуждение особенно болезненно.

Ему показалось, что в землянку вкатился огромный темный клубок. Уваров очнулся.

На полу лежал человек в серой шинели. Он обхватил голову обеими руками. Лица его не было видно. Над ним, большой, плечистый, стоял Ногайцев.

— Мразь, гадина!..

Человек на полу еще больше наклонил голову.

— Выхожу, понимаешь, я на него с берега, из камышей, а он бросает оружие — и от ме-

ня. Испугался, думал, что немцы реку перешли... А если бы и вправду немцы?.. Ах!..

Ругаться Иван умел.

Политрук сказал хриплым от дремоты голосом:

— А ну, встань!

Боец поднялся на ноги. Парень совсем молодой, курносый... Губы от страха белые.

— Фамилия как? Имя?

— Красков Алексей.

Уваров задал еще несколько вопросов и приказал:

— Ступай пока!

Парень скрылся в темноте.

— Необстрелянный, молодой, — покачал головой политрук. — Однако трибунала не избежать.

— Сукин сын, — охотно подтвердил Ногайцев. — А насчет трибунала ты это, Николай, брось. Сам видишь: мальчишка. Целый день под огнем был.

И пошел и пошел. Битых полчаса говорил. Договория до того времени, когда грохнула вражеская артиллерия.

Выбегая, Ногайцев споткнулся о мяжков. Алексей Красков лежал у самого входа в пещеру. Иван легко поднял его за ворот и крикнул прямо в ухо:

— За мной следуй! Чтоб на моих глазах был! Чтоб я тебя каждую секунду наблюдал!

С тех пор Лешка Красков всюду следовал за Ногайцевым. И войну прошли они вместе, и в леспромхоз Иван привез его. У обоих грудь в орденах, оба целые, невредимые.

А Уварову не повезло. В том бою у реки Сомной его тяжело ранили в грудь. Простреленное легкое не дало дослужить до победы.

При первой же встрече дома, в поселке Зимнем, Иван похвастал Лешкой:

— Каков крастинчик? — И еще добавил: — А ведь это Красков тебя тогда в медпункт доставил! По моему приказу, конечно.

Лешка, раскормленный, чистый, затянутый в рамин, губ не мог свести от улыбки.

Встречу праздновали у Ногайцевых. Красков со стаканом вина подсел к Николаю Павловичу.

— Вы так поглядеть — сухощавый, а на деле тяжелый. Я вас тащил, думал, не дотащу. И так прилажусь и этак. Если бы вы еще в сознании, а то никакой помощи от вас. Все же

дотащил. Доктор сказал: чуть бы позже — и конец. — Он значительно тарасил большие голубые глаза. — Еще бы немного, и пиши похоронную.

Уваров сдержанно благодарил:

— Ну, спасибо!

Дочка Вера — ей тогда только семнадцать исполнилось, — открыв рот, глядела на парня. Еще бы: отца спаситель!

Иван кричал с другого конца стола:

— Ты хвали, хвали его, Лешку, он это любит! Он за ласковое слово в огонь полезет! И все же не лажала душа у Николая Павловича к Лешке.

Назначенный директором леспромхоза Ногайцев сделал Алексея начальником Затонного участка, самого богатого строевым лесом. Работал парень весело, не придирешлся, но при встречах с ним Уваров отводил глаза и в беседу не вступал. А встречаться приходилось частенько. То прохаживался Лешка возле уваровского дома, то бежал по тропинке от крыльца, а раза два заметил его Николай Павлович со своей Верой.

Он сказал дочери:

— Рано начала с кавалерами ходить. Не об этом надо думать.

Впервые Вера посмела возразить отцу:

— Он не кавалер вовсе.

— Кто б ни был. Нечего ему у дома околачиваться!

И когда люди стали плохо говорить о Краскове, Николай Павлович слухам поверил.

Первую весть принесла Тансия:

— Лешка-то Красков затонного леса продал на больше тысячи. Иван в отпуску, вот у него руки и развязаны.

— Что же он дурак, что ли? — усомнился кто-то из домашних.

— То-то что и не дурак. Лес был какой-то незаприходованный. Обездник Рябов сказывал. «Слышу, — говорит, — машины гудят. Гляжу, — говорит, — волковцы лес возят. Откуда? Молчат. А лес-то приметный. Затонный лес. И ехать машина больше неоткуда». Теперь Ногайцева ждут.

А Лешка не таялся. Ходил, посмеивался. Вечерами провожал Веру из кино. Николай Павлович вышел ночью к калитке, подождал, пока они появились на дорожке, Веру шугнул домой, а у Лешки спросил:

— Что это про тебя люди болтают?

Ничуть Алексей не смутился.

— Не слушайте вы людей, Николай Павлович. Никто и ничего не знает. Кроме меня, конечно... И как это у людей получается: чуть что, деньги взял! Будто уж лучше денег нет ничего!

Ушел он, весело насвистывая. А Уваров, может быть, впервые в жизни не знал, что ему думать о человеке.

Из отпуска Ногайцев приехал с молодой женой. О Краскове на какое-то время забыли. Не до того было.

Вера на зимние каникулы уехала с экскурсией в Москву. С тех пор Лешка не показывался. Увидев его у крыльца, Николай Павлович отмахнулся:

— Не приехала, не приехала еще!

— Мне с вами поговорить надо, — попросил Алексей.

Прежней веселости в голосе не было. Он похудел, осунулся и сразу стал похож на того парня, каким его увидел Николай Павлович первый раз в землянке.

В комнате Красков опустился на стул.

— Вы один можете, — сказал он. — Внушите Ивану Семеновичу, пусть он оформит лес, обелит меня.

Он замолчал, ждал вопросов. Но Уваров не стал ему помогать. Лешка глубоко вздохнул.

— Он мне по междугородному телефону позвонил, когда в отпуску был. Чтоб я волновцам лес отпустил. Без документов. По одному слову. Я вам скажу, у нас есть такой лес, заготовленный на случай, если план не выполним, чтоб пополнить. Незаконно, но все же не преступление. Сами видите, из лесу бравно тайно не вывезешь. Вот из этого фонда.

Уваров слушал, нахмурился.

— Деньги брал?

— Ни копейки! — твердо ответил Лешка. — Я от вас и не ожидал, Николай Павлович, что вы такой вопрос мне зададите. Я вам...

— Ладно, — почему-то чувствуя неловкость, оборвал его Уваров. — Что ты ко мне пришел

плакаться? Иди к директору. Он что, отказывается от своего приказа?

— Не отказывается он, «ступай», — говорит, — завтра оформлюсь. А потом опять завтра. А сам недовольный. Мне уже и говорить неохота. Каждый день в глаза ему заглядываю. Конечно, у него дела, но ведь люди на меня валют.

— Заян куда следует.

— На Ивана Семеновича! — вскинулся Лешка. — Как это можно! Вы сами знаете, чем я Ивану Семеновичу обязан.

И уже тихо добавил:

— А не захочет он, кто мне поверит? Ведь ни бумажки, ни записки. Один словесный приказ по телефону.

— Так что ж ты думал, что Иван деньги взял! Смотри, Красков!

— Они ему тогда нужны были, — просто сказала Лешка. — Он Ольгу по свету возил, удивлял.

— Уйди, — приказал Уваров, — я ему скажу!

Разговор с Иваном был короткий. На улице.

— Ты кончай эту историю с Красковым. По дружбе советую. Грязь к тебе липнет.

— Да нет там никакой истории, — поморщился Иван, — одни сплетни.

Что теперь Ногайцеву советы друга! Теперь он не мальчишка, своим умом живет. Очень возгордился ты, Уваров, думая, что по одному слову послушает тебя директор!

А о Краскове говорили все громче. Почтальон, старый знакомый Уварова, вручая ему газеты, сказал:

— Повестку сегодня Краскову отнес. Прокурор вызывает...

В этот же день Алексей Красков выстрелом из охотничьего ружья покончил с собой, оставив записку: «Я ни в чем не виноват. Жить виноватым не могу».

Дверь открыла Ольга. Уваров оттолкнул ее плечом и прошел в комнату.

Иван обедал. Отодвинул тарелку, расплескал борщ, встал навстречу Уварову.

— Слышал? Эх, Лешка, Лешка, что наделал! С собой покончил, а?

Сдерживаясь, Николай глухо сказал:

— Это не Лешка с собой покончил. Это ты его убил!

Он увидел, как испугался Иван. Сарые кошачьи глаза его округлились, толстые губы обмякли, кожа на щеках задрожала.

Говорить было нечего, оправдываться нечем. Взглянув на лицо Уварова — напряженное, яростное, — крикнул не своим, сдавленным голосом:

— Кабы не я, ты б его десять лет назад кончил! Ты его трибуналом судить хотел!

Не слушая, Уваров спросил:

— Сколько ты на Алексеевой смерти заработал?

Иван замахнулся. Может, и ударил бы, но

открылась дверь, заглянула Ольга. В шубе, в новых ботках.

— Вы здесь беседуете, а мне это неинтересно. Я пойду погуляю. Ладно, Ванечка! — И настаивательно сказала Уварову: — А все же неважно, когда мужчина с женщиной не здоровается. — И кокетливо помахала варежкой на прощание.

Ее приход будто придал Ивану силы.

— Кому Алексея больше жаль, мне или тебе? Он мне вместо сына был!

— Замолчи! — крикнул Уваров. — Я сюда шел, думал, а тебе хоть зерно коммуниста осталось. А ты вор и убийца, и я это докажу! Иван усмехнулся.

— Не горячись. Ничего ты не докажешь. Лешку теперь не поднимаешь, а смерть, она все спешит.

И тогда, задуманный ненавистью, Уваров медленно и раздельно сказал бывшему другу:

— Деньги, что украл, вернешь! Все, до копейки! Десять дней срока даю. А дальше имя мое забудь, как я твою забуду!

Кровь шумела в ушах. Вышел — чуть не упал.

А Ногайцеву, видно, суждено удивлять людей. Семь тысяч внес за своего дружка Краскова. Так и объявил: «Вношу, чтоб очистилась его память». Вот он какой, Иван Ногайцев!

Восемь лет прошло с тех пор. И вот зовет старый друг.

Анна последний довод приводит:

— Перед смертью все грехи человеку прощаются.

— Нет, — твердо сказал Уваров, — не позволено жизни на земле пачкаться! Жить надо светло.

Опустила голову Анна.

Он сказал еще:

— Все будем умирать: и ты и я. Смерть прощения не дает.

П. К. Саксаганский.

ОН СЛУЖИЛ НАРОДУ

В весенние майские дни, когда Киев особенно красив, столетие со дня рождения юррифа украинского театра Панаса Саксаганского отмечается как дата, близкая сердцу всех, кто любит украинскую театральную культуру.

Мне посчастливилось, правда, всего один раз, видеть и слышать Саксаганского. Он принимал нас, молодых литераторов, пришедших поздравить его с восьмидесятилетием. Перед нами сидел человек, увлеченный сидением и утопленный трудом. Ум не его был ласк и прозрачен. И слова, сказанные им тогда, запомнились нарушником. Это были слова о правде жизни, которая должна звучать на сцене и на страницах книг.

Всю свою долгую жизнь, увенчанную победой большого таланта, Панас Карпович Саксаганский был верен этой цели. Он нес правду со сцены даже в такие годы произвола и реакции, когда родное украинское слово было запрещено в железные кандалы...

Семья Тобилевичей, из которой вышел Саксаганский, имела большие заслуги не только перед украинской культурой. Ведь и знаменитая династия русских актеров Садовских тоже принадлежит к этой замечательной семье. Саксаганский хорошо знал театр, когда пришел на сцену. Ему даны были в дар прекрасные традиции: он обогатил их и умножил благородным, вдохновенным трудом.

Начав творческую деятельность в семидесятых годах прошлого столетия в любительских кружках, Панас Саксаганский навсегда связал свою жизнь с театром.

— И никогда я не жалел об этом, — не раз говорил великий артист.

Ему и не надо было жалеть о своем выборе в жизни. Созданные Саксаганским образы незабываемы. Чувства зрителей всем сердцем своим, понимая, куда надо звать их и к какой цели устремлять помыслы, Панас Карпович Саксаганский вписал в историю украинской сцены вдохновенные и яркие страницы.

С особой силой развернулся талант художника после Великого Октября. В 1918 году Саксаганский создал в Киеве Народный театр, пользовавшийся огромным успехом. Родное слово свободно и крылато зазвучало в нем.

Первыми посетителями этого театра были борцы за победу революции. О таком зрители и мечтали долгие десятилетия люди, стремившиеся сделать родину и народ свободными.

Саксаганский часто в кругу друзей говорил:

— Я очень счастлив, что дожил до такого светлого времени. Это светлое время стало эпохой расцвета всего нашего искусства, не отделимого от жизни народа.

В тридцатые и сороковые годы Саксаганский особенно плодотворно работал как режиссер. Его постановки имеют огромное значение для развития советского театра.

Панас Саксаганский один из первых получил звание народного артиста СССР. В 1939 году Киев и вся украинская театральная общественность отмечали восьмидесятилетие Саксаганского.

Он ушел из жизни незадолго до войны — в 1940 году.

Теперь, когда мы отмечаем столетие со дня рождения великого артиста, Киев расцвел еще краше, воссозданный из руин и пепла, возрожденный народом, которому так горячо был предан его верный сын — Панас Саксаганский.

Натан РЫБАН

Р. Дж. Уогхори. АВТОМОБИЛЬНОЕ ШОССЕ. Акварель.

Эдвин Падж. УЛИЦА ЛАМБТОН (ГЛАВНАЯ УЛИЦА ВЕЛЛИНГТОНА). Масло.

Френсис Ходжинс. МАОРИЙКА С РЕБЕНКОМ. Акварель.

Художники Новой Зеландии

Выставка цейлонских художников... Выставка Непала... Культурный обмен между самыми отдаленными странами непрерывно ширится. Теперь у нас открылась выставка художников Новой Зеландии. С новозеландскими художниками мы знакомимся впервые.

Картины, которые мы видим на выставке, типичны вообще для западноевропейского искусства: недаром многие художники новозеландцы получили европейское художественное образование.

К сожалению, в экспозиции выставки отсутствуют произведения искусства маори — коренного населения Новой Зеландии.

ЗАПИСКИ ВРАЧА

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Великовозрастный студент

В 1930 году, когда мне было уже тридцать восемь лет, я поступил на медицинский факультет Воронежского университета. Со стороны такой шаг казался, пожалуй, легкомысленным: у нас с женой к тому времени было уже трое ребятишек, а зарабатывал я один. Товарищи мои по Ястребовской районной больнице в родной Курской области, где я служил фельдшером, так и говорили. Но поговаривали мы с Варварой Васильевной и решили: как-нибудь перебьемся, я в Воронеже вечернюю работу найду, что-нибудь да подработаю. Ну, конечно, семье придется поясок потуже затянуть на пять лет.

Переступил я порог университета с холодком в спине: сумею ли, думалось, одолеть эту высокую гору? Меня терзала сомнениями вопрос, который по нынешним временам звучит странно и даже несколько диковато: «Может ли фельдшер стать врачом?»

Этот вопрос поставили еще задолго до семнадцатого года чиновники из русского медицинского племени, и они же отвечали на него решительно: «Конечно, нет!» Ведь кто шел в фельдшеры? Простолудины, мужики. А какой же из мужика врач? Что вы, помилуйте!

И после семнадцатого года часть профессуры в медицинских институтах долго продолжала считать, что никогда из фельдшера не получится настоящего врача.

Я окончил Курскую фельдшерско-акушерскую школу во время первой мировой войны, в армии — в 315-м Глуховском полку служил военфельдшером роты. И этот, если можно так выразиться, комплекс фельдшерской недостаточности, второсортности в меня крепко въелся.

Но среди студентов-медиков я увидел очень много себе подобных. На первый курс поступал народ немолодой, уже потрудившийся, обжитый жизнью. Безусых юнцов и восемнадцатилетних девчушек со школьной скамьи можно было по пальцам сосчитать. Я воспрянул духом.

Мы, великовозрастные студенты из фельдшеров, вгрызались в гранит науки с остреванием. Мы хотели доказать, что дореволюционный профессорский вопрос насчет фельдшеров — поганая кастовая выдумка и его пора снимать с повестки дня. Лишним было бы говорить, что учились мы не из-под лалки, а сознательно, вполне отдавая себе отчет в трудности избранного пути.

Год шел за годом, семестр за семестром. Дни моей жизни были похожи один на другой, как ступени лестниц в нашей Alma mater: днем учеба — на лекциях, в анатомичке, в больничных палатах, вечером работа — на фабричном мадлунике, по ночам долгие, до ряби в глазах, сидение над учебниками. Когда медицинский факультет выделился из университета в самостоятельный институт, ничто для меня не изменилось в этом распорядке. Но к тому времени сильно начал меняться я сам в чисто физическом смысле: стал худеть не по дням, а по часам. Ночью раз по десять просыпался в холодном липком поту. Подняться на второй этаж без остановки стало непосильной задачей. Очень остро ощутил я тогда, что значит стает, как свеча.

Пошел на рентген. Старичок-рентгенолог нарисовал на бумажке размером в ладонь два моих легких и в одном из них обозначил точ-

Акты Никитович Золотухин

— О, о, посмотрите на него! Спешите посмотреть, а то он сейчас умрет! Эх ты, потоп, эх ты, человек! Да мы тебя вылечим — в духовом оркестре на контрабасе играть будешь!

Я слушал его хмуро. Адам замолчал, подумал и быстро выдвинул из-под кровати свой сундучок. Достал из него большую банку и бутылку, он сказал теперь уже другим тоном, тихо и ласково:

— Во, погляди. Тут целая банка меда, а тут бутылка масла. — Он поставил банку и бутылку на стол, погладил их. — Родичи прислали. Мед засахарился, но все-таки мед. Съешь — здоровый будешь.

Тут другие друзья набежали. Узнав, в чем дело, они принялись меня успокаивать.

Институт я не бросил, работу тоже. Не знаю, что тут подействовало: Адамов мед и масло или сосновые иглы, приносимые из леса, из которых я делал отвар — витамин С! — но только вскоре почувствовал себя лучше.

Так и «доскрипел» до выпускных экзаменов, сдал их и получил диплом врача. Грустно было расставаться с институтом, с друзьями-однокашниками, но всех нас ждала любимая работа, и новоиспеченные врачи разлетались в разные стороны стремительно и радостно, как птицы из садка...

Разлетаясь из института, мы клялись отдать все наши силы и знания любимому делу, людям.

Когда я получил диплом, мне было сорок три года. Я поехал в Курск и попросил областные органы здравоохранения послать меня на работу в деревню. Мне дали Лубянский врачебный участок, в Медвенском районе.

О врачах и о грехах

Малкой рысцой трусит лохматая лошадевка, заиндевавшая так, что и не разберешь, какой она масти. Розвальни без скрипа катятся по наезженному большаку, темному от змерзших и укатанный льдистый снег комских яблок и солом. Нет-нет да и налетит, напомнив, что стоит вьюжный февраль, пронзительный ветер, вихревой, закрученный штопором. Он буравит насквозь и овчинный тулуп и ватное

ДВЕРЬ ОТКРЫТА

ками созвездия, похожие на ковш Большой Медведицы, только без ручки. Обычно рентгенологи не говорят пациенту, что они там у него увидели — об этом они сообщают лечащему врачу, — но я ведь сам был без пяти минут врач, поэтому мне можно сказать все прямо. И он сказал:

— У вас, дорогой мой, туберкулез, с чем вас и не поздравляю. Очаги-с! И довольно неприятные.

В амбулатории врач, выслушав и выстукав мою грудь, окончательно доконал меня:

— Дела серьезные. Вам следует лечиться. Питание. Воздух. Никакой работы, никаких занятий.

Выписал он мне лекарства, но я даже не заглянул в рецепт: не было в то время мало-мальски действенных лекарств против туберкулеза, я это знал и на сей счет не обольщался. Питание! Время было трудное. Продукты выдавали по карточкам. Хлеба авось на ели.

В общежитие пришел я разбитый, с серым лицом. Мой дружок, сосед по койке Адам Стакевич (он сейчас работает главным врачом районной больницы на станции Поньри), посмотрел на меня с интересом, как на незнакомого, и спросил:

— Ты чего это?

— Ничего, Адам, — говорю. — У меня туберкулез, очаговый. Лопнул мой институт.

Он неожиданно рассмеялся. Потом загремел на весь этаж:

пальто и остро колет в спину, в бока. Через темную дорогу начинают перебегать бесконечные белые змеи поземки. Возница, маленький, весь такой ладный и по-молодому подтянутый старичок, разбирает залубенашки на мороза вожжи, пристает на коленках.

— Эй, ходи-и! — заодно кричит он тонким голосом.

Лошадевка прядает ушами и прибавляет ходу.

— Значит, давно уехал ваш доктор? — спрашиваю я, продолжая наш разговор.

— Да мы, верно слово, уж и позабыли! — весело отвечает возница, оборачиваясь ко мне. Лицо у него по усам и бороде в хрустальных сосульках.

— А чего это он вдруг уехал?

— Да ведь говорится: рыба ищет, где глубже! — все так же весело кричит старичок.

В голосе его нет осуждения, но он все-таки из деликатности находит нужным оправдать то, о ком мы говорим:

— Да и то сказать: деревня сторонняя, глушь. Один воздух. Ни тебе чайной, ни барака. Это мы привычные, а городскому человеку...

Он смотрит на меня так, будто хочет сказать: вот видишь, милоч, мы чужих людей за глаза не охаживаем, не бойся. Политичный старичок! Видно, уверен, что и я вскорости поддамся восвою.

Поземка неожиданно кончилась, ветер стих. Дорога пошла наизволок, и мы выехали на невьясокий берег замерзшей речки. Старичок

пниа рукавицой в сторону противоположно-го берега.

— Эи, глянь! Эи тополь грудится, а под ним красен дом. Приехали!

Дорога привела нас под самые окна больницы. Пока возница укрывал лошадь старой, дырявой мешковиной, а я, соскочив с саней, размял ноги, из-под крытого, низко нахлбученного крыльца больницы вышли двое — один пониже, другой повыше, оба в белых халатах.

— Здравствуйте! — приветствовал их я.

— Здравствуйте! С приездом! — не то шмыро, не то серьезно отвечали они.

— Будем знакомы, — сказал я, подходя. — Золотухин Аким Никитович. Назначен к вам врачом.

— Григорьев, фельдшер, — откомендовался, пожимая мою руку, один.

— Фельдшер Еськов, — сказал другой.

Они помогли мне вынуть из саней чемодан, свернутый в скатку матрац с одеялом и подушкой в середине и мешок с мукой васом в луд — бесценный дар председателя Медвского райисполкома. (Еще он выдал мне десять пудов картошки, но их я до поры оставил на складе.)

— Вы одни, без семьи? — спросил как бы между прочим Еськов.

— Пока один.

Еськов и Григорьев обменялись понимающим взглядом.

— Мы вас проводим в дом?.. — полуспросительно и довольно равнодушно предложил Григорьев.

Дом, предназначенный для врача, стоял рядом, в десяти шагах. Кирпичный, с высоким крыльцом, он выглядел крепким, добротным. Внутри было просторно. Санцы, кухня, небольшая прихожая и четыре жилых комнаты. В одной из них стояла железная кровать. Печь была протоплена.

— Чаю хотите? — спросил Еськов.

— Спасибо, — поблагодарил его я. — Спасибо, спасибо.

Они ушли. Я развязал холодный с улицы матрац, кинул его на кровать. Кое-как застелив, разделся и лег. Засыпая, подумал, что

— Что мы, что мы! — не в тон ответил Еськов. — Мы фельдшера, с нас взятки гладки.

— Но были же врачи здесь?

— Были, да сплыли. — Он откашлялся и добавил смущенно: — Извините, конечно. Они у нас подолгу не задерживаются.

Картина была ясна. Следовало браться за все это с засученными рукавами.

Я с головой ушел в больничные дела. И с радостью увидел, что и Еськов с Григорьевым, и сестры, и санитарки — в общем, все будто встряхнулось, как после вынужденной спячки. Настроение в больнице поднялось.

Немного огорчил меня лишь один, невольный подслушанный разговор. Как-то, закончив работу, я пошел домой, но у двери задержался: обратил внимание, что ручка прибитая очень неудобно, у самого края. Соображаю, на сколько сантиметров ее подвинуть, и слышу в соседней комнате, где остались фельдшера, такой разговор.

Еськов говорит:

— Взялся новый-то за гуж обеими руками...

А Григорьев отвечает:

— Погоди, свою порцию грачей съест и уберется.

Насчет грачей он говорил по старой, еще дореволюционной памяти: в голодные годы кое-кто из местных жителей не брезговал этой птицей. Мне стало горько оттого, что они не верят мне. Не верят, что я останусь, не убегу, хотя я к тому времени уже переехал в Лубянку всю семью — жену и троих ребят: Николая, Евгения и Александру.

Да-а, на хорошенький лад мысли настроили здешних людей залетные деятели с дипломом врача в кармане!

Но обижаться было некогда.

Чрезвычайное происшествие

Однажды — уже пришла весна, начались работы в поле — веду я, как обычно, амбулаторный прием. Записалось человек двадцать.

Прием уже подходил к концу, когда в комнату вошла старушка в белом платке, со скорбным лицом. Она робко остановилась в дверях и ждала, когда я подниму голову.

— Садитесь, бабушка, — пригласил я ее, откладывая в сторону очередную карточку.

Она подкинулась на шаг и сказала:

— Я не за себя пришла... Вот какое дело... Сынок занедужил.

— Да вы проходите, садитесь.

Старушка села на кончик табуретки, положила свои темно-коричневые, узловатые, наработавшиеся за долгие руки на колени, ладошками вниз, как школьница.

— Что же с вашим сыном? Сколько ему лет?

— Годов-то? — Старушка смутилась. — Уж я и забыла... Надобно сосчитать... Вроде бы тебе ровня, по обличью-то.

— А что у него болит?

Она справилась наконец со смущением:

— Жар у него. Соседка говорит, лихорадка. А я так-то посидела, подумала: откуда ей быть, лихорадка? Комаров нету: рано комарам. А он прошлую ночь бредил, на ноги вскакивал. А зову — не слышит.

— Давно это у него?

— Да, не сосчитать, третьяго дни...

Я хотел спросить, ставила ли она градусник, измеряла ли температуру, но сам улыбнулся своей наивности.

— Ну, что ж, поехали.

Старушка повезла меня на хутор Дунаец. Погода стояла дивная. Солнце. Небо над голубой голубое, не затуманенное ни единым облачком. Осини зеленеют изумрудными квадратами среди черных, глянцевитых, еще не обдутых до серой матовости массивов свежей пашни. Хотелось дышать полной грудью.

Приехали. Нагнув голову, чтобы не стукнуться о притолоку, вошел в избу. В горнице на парадной кровати, разметавшись, сбросив на пол лоскутное ватное одеяло, лежал человек. Лицо его было, как варенный бурок. Светлые короткие волосы влажны от пота.

Я достал из чемоданчика стетоскоп, градусник. Градусник сунул больному под мышку, прижав бессильную его руку к боку. Пощупал пульс — сто двадцать. Через пять минут градусник показал сорок и две десятых. Откинув с груди его рубашку, я увидел характерную сыпь.

Сомнений не было: сыпной тиф. И заболел

ВСЕГДА

непрерывно надо побыстрее перетаскивать сюда всю семью, в ближайшие же дни...

Утром, позавтракав кое-чем, достал свой халат, старый, еще студенческий, но хорошо выстиранный женою, облачился в него, накинул сверху пальто и пошел в больницу.

Глазам моим предстало зрелище не из отрадных. В трех комнатах стояло восемь коек. Ложки, на которых возлажали больные, были сделаны со спартанской простотой: вместо досок нечто вроде матов, сплетенных из прутьев (видно, разобрали где-то плетень), а поверх них — жидкие соломенные матрасики. И все.

Под той же крышей помещалась так называемая амбулатория. Она состояла из приемной и перевязочной.

— Много приходит на прием? — спросил я Еськова (была его очередь дежурить).

— По-разному. Бывает пять, бывает десять душ...

Я удивился:

— О, мало! Значит, редко болеет народ.

Еськов неопределенно пожал плечами.

— Оно как сказать... Домашними средствами пользуются.

— Это как же?

— Известная вещь. Кто к бабкам ходит, кто еще как.

— А к вам, значит, предпочитают не ходить? — спросил я беззлобно.

Ночной вызов.

Федор Селин —
футболист.

Первые заслуженные

Махил Бутусов —
футболист.

Николай Старостин — футболист.

Платон Ипполитов — конькобежец.

Братья Зиазенские — бегуны на
средние и дальние дистанции.

Юр. ВАНЬЯТ

Как-то ночью близ турецкой границы советские пограничники заметили нарушителей. После длительного смелого поиска и перестрелки шпионы были задержаны. В числе пограничников, участвовавших в этой операции, был и офицер — штангист Владимир Свешников.

Об этом эпизоде, случившемся в нынешнем году, недавно рассказали газеты.

А вот три других случая, о которых я расскажу ниже, произошли сравнительно давно — в грозные годы Великой Отечественной войны.

...Летом сорок второго года командир роты противотанковых ружей лейтенант Евгений Лопатин во время налета вражеской авиации был ранен в руку пулеметной очередью. В госпитале врачи определили: ограниченная подвижность пробитой кисти, контрактура...

Но Лопатин не сдавался. Он

ежедневно, упорно, невзирая на мучительную боль, тренировал искалеченную руку. И вот в 1945 году судья-информатор на одном из тяжелоатлетических состязаний взволнованно объявил:

— На помост вызывается Евгений Лопатин.

А еще два года спустя Лопатин с гордостью надел на себя алую майку чемпиона СССР.

...В военные годы, во время одного из боев советский воин Рубен Манукян, оставшись в схватке с врагом без оружия, убил фашиста ударом кулака. Примерно в тот же период на другом фронте, выполняя задание командования, воспитанник Сталинградского тракторного завода, мировой рекордсмен по плаванию Леонид Мешков получил тяжелое ранение в плечо и руку. Но уже в 1945 году он же внес новую советскую поправку в таблицу европейских рекордов.

А вот спокойный, чуть флегматичный на вид Николай Комков из подмосковной Яхромы. Он заслу-

жил почет и уважения не меньше тех, о которых мы писали. Николай Филиппович за несколько десятилетий воспитал у себя в Яхроме не одну сотню настоящих спортсменов, энтузиастов — активистов-разрядников и мастеров.

Что же ставит в ряд штангистов Свешникова, Лопатина, Манукяна, пловца Мешкова, инструктора физкультуры Комкова — тбилисец и москвич, ереванец, сталинградец и житель Подмосковья?

Все они заслуженные мастера спорта СССР. Все принадлежит к гвардии советских спортсменов, которые ныне отмечают 25-летие славной даты.

Напомним же: 27 мая 1934 года ЦИК СССР установил звание заслуженного мастера спорта.

17 июня того же года в газетах нашей страны был опубликован первый список двадцати двух заслуженных мастеров спорта СССР.

Это были конькобежец Яков Мельников, лыжник Дмитрий Васильев, теннисист Евгений Кудачев, хоккеист Владимир Воинов,

Мария Шамшова — легкоатлет.

Яков Мельников —
юношьяк-беглец.

Яков Кузнецов —
журналист.

Дмитрий Васильев —
чемпион.

Александр Бухаров — фехтовальщик.

Виктор Арнаудов — тренер.

шахматист Петр Романовский, легкоатлеты Александр Демин, Мария Шаманова, штангист Александр Бухаров, пловец Александр Шумин, футболисты Петр Исаков, Николай Соколов, Федор Салин, Николай Старостин, Михаил Бутусов, Павел Батырев и ряд других выдающихся мастеров спорта.

С той поры это высокое звание присвоено 1 090 воспитанникам наших физкультурных организаций. Среди них 871 мужчина и 219 женщин — представители разных национальностей.

Люди самых различных профессий носят на груди скромный, но очень почетный знак заслуженного мастера спорта. Мы найдем здесь токаря Кировского завода альпиниста Евгения Белецкого и доктора технических наук шахматиста Михаила Ботвинника, хирурга-штангиста Аркадия Воробьева и кандидата педагогических наук Николая Озолина, лаборанта московского завода «Серп и молот» легкоатлета Леонида Спирина и тренера-футболиста Евгения Елисеева, юриста-боксера Геннадия Шаткова, журналиста-арбитра Анатолия Акимов, офицера Советской Армии Валентина Николаева и директора стадиона Шота Шагулидзе...

Словно эстафету побед, передавали гвардейцы нашего спорта свои рекорды и достижения новым поколениям мастеров. Они каждый раз как бы переходили ту грань, за которой (как порой казалось непосвященным) уже трудно улучшить рекорд. Но приходило новое поколение, подхватывало эту эстафету, и миллионы любителей спорта снова восторженно удивлялись рекордным секундам, килограммам, сантиметрам.

Много воды утекло с майских дней тридцать четвертого года. Не удивительно, что ныне заслуженных мастеров уже нет в живых, но нам напоминают о них призы или соревнования, носящие имена Знаменских, Федотов, Исакова, Большанова.

Многие ветераны ныне передают свой богатейший опыт молодежи на кафедрах институтов физкультуры, в высших учебных заведениях, в спортивных обществах и клубах, в коллективах физкультуры. Немало заслуженных мастеров имеет теперь и второе почетное звание — заслуженный тренер, многие работают в спортивной журналистике.

За эти годы в ряде семей не только родители, но и дети стали заслуженными мастерами спорта. Так, например, произошло у Ипполитовых (Василий Афинасович и сын Игорь), Головаченко (Алексей Нестерович и сын Юрий).

А разве не почетно, когда в семье двум сестрам или двум братьям (а у Старостиных даже трем) присвоено высшее звание советского спортивного движения? Таких семей немало: сестры Второвы, братья Аркадьевы, Деметьевы, Дьячковы, Васильевы...

Но в конце концов все это лишь любопытные частности. А главное состоит в том, что мы видим со знаком заслуженного мастера спорта, как правило, передового, дисциплинированного, волевого, высококлассного спортсмена-общественника, человека, двигающего наш спорт вперед, пользующегося всеобщим уважением и любовью.

Фото Н. Волкова и А. Николаева.

Момент матча «Динамо» (Москва) — ЦСКА МО. Прорыв Виктора Урица.
Фото А. Бочинина.

ПОСЛЕ ПЯТИ ТУРОВ

После пяти туров розыгрыша первенства страны по футболу — почти половины состязаний первого круга — даже беглый взгляд на таблицу турнирной таблицы обнаруживает удивительные перемещения команд. Одни из них с трудом взбираются на футбольный олимп, другие с легкостью падают к его подножию. Московские динамовцы, ленинградский «Зенит», кишиневские молдовцы не имеют ни одного поражения и возглавляют таблицу розыгрыша, а чемпионы страны и обладатели кубка московский «Спартак», сыграв последний матч с «Локомотивом» вничью, закрепился на... десятом месте. Киевские динамовцы отстают даже от «Спартанки».

Но если мы перенесем свой взгляд к зеленому полю стадиона, то и тут заметим некоторые удивительные превращения. Кажется, что в ломке тактических шаблонов и в поисках тактических новинок мы несем слишком уж большие потери. Это тем более обидно, что все новшества, усвоенные некоторыми нашими тренерами после чемпионата мира в Швеции, свелись к особой расстановке игроков защитных линий.

Отсюда — механическое подражание бразильцам и некоторым другим командам мирового класса, без учета качественных особенностей игроков их технической подготовки, а главное — их умения тактически мыслить.

Подобная практика приводит к неудачам. Следует, однако, оговориться, что не все тренеры начали ломку устоявшихся форм игры. Тренер московских динамовцев М. Якушин, например, предусмотрительно не меняет пока ни тактических принципов своей команды, ни расстановки игроков на поле. А тренер армейских футболистов Б. Аркадьев очень увлекается экспериментами, и тоже главным образом в области обороны. Но реальная жизнь на футбольном поле пока опровергает один эксперимент за другим.

В этом смысле очень показательной была встреча «Динамо» (Москва) и ЦСКА МО в последнем туре. Армейцы попытались показать нам новый вариант игры, условно названный «семью в атаке и семь в обороне». Не вдаваясь в анализ этой тактической новинки, можно все же заметить, что для подобной, заманчивой на первый взгляд, задачи необходимо, чтобы по крайней мере четыре игрока все девяносто минут несли полную нагрузку то в наступательных, то в оборонительных действиях команды. Есть ли такие игроки в ЦСКА МО? Нет. А могут ли быть такие феномены вообще?

Для динамовцев «семиглазая» атака не была неожиданностью, как не испугались они и хваленной «семиглазой» (а иногда и «девятigliзвой») обороны. Они отлично выдержали массированный, к тому же силовой удар в первой половине матча, а во второй — сами повели атаку на ослабевшие ряды игроков, естественно, не выдержавших такого наступательно-оборонительного напряжения.

Вот тут-то и настали минуты расплаты.

Динамовцы атаковали красиво, широким фронтом. Форварды Г. Федосов, Ю. Кузнецов и В. Урица разрушали оборону соперников, которая рвалась по шамам. Игра армейских спортсменов из сферы возвышенных теоретических принципов, придуманных на макете, спустилась на обычное футбольное поле и выглядела как бессистемная толкотня у своих ворот.

Динамовцы выиграли со счетом 3:0. Более ясно, пожалуй, нельзя было подчеркнуть превосходство. Команда показала хорошую технику обращения с мячом и умение вести атлетическую борьбу — плечо в плечо, — индивидуальные особенности игроков и разумную маневренную, комбинационную игру. Наконец, у победителей мы видели футбольную вспыльчивость, мгновенную мобильность и, казалось, «магнитные бутсы»...

Хотелось сказать несколько слов о чемпионе страны — московском «Спартаке». На его счету три ничьи и два поражения, три забитых мяча и шесть пропущенных! Что случилось? Кажется, что это результат смены состава — процесса, который всегда проходит болезненно. Но в команде появилось несколько способных молодых футболистов. Поиски нового состава, видимо, скоро окончатся. Хотелось бы предостеречь от слишком уж нервного восприятия неудач и от известной паники. А она налицо, иначе чем объяснить срочное создание тренерского совета в составе... 9 человек. Известно ведь, что успех команды обратно пропорционален числу тренеров.

Все команды будут еще перемещаться по вертикальным делениям турнирной таблицы то вверх, то вниз, и таблица эта как самый объективный показатель отразит настоящее соотношение сил на футбольных полях.

М. МЕРЖАНОВ

Саяны. На леднике
Косургашеев.
Фото В. Гиппенрейтера.

